

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

12

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й

№ 12 (4090)
22 МАРТА 1967 г.
СРЕДА
ЦЕНА 15 коп.

50 СОВЕТСКИХ ЛЕТ

ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Вступительное слово
К. Е. ВОРОШИЛОВА

стр. 2-3

НАВСТРЕЧУ IV ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ

Размышления поэта Игоря
МУРАТОВА и критика
Валерия ДЕМЕНТЬЕВА

стр. 4-5

ВЕНГРИЯ, 1967

Статья З. МИРСКОГО

Проф. Н. МОЛЧАНОВ:

ФРАНЦИЯ ИДЕТ ВЛЕВО

стр. 12-13

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Страница 4:

рассказываем о писателях —
Героях Социалистического
Труда:
Александр Корнейчук

Страница 6:

СРЕДИ КНИГ
И ЖУРНАЛОВ

Страница 7:

рассказ Анатолия Шастина
«Леший».
Стихи поэтов
начала XX века

Страница 8:

КИНО:
полемика заметки
В. Турбина об экранизациях
литературных произведений.
Разговор со зрителем
об одном зарубежном
фильме ведет Виктор Орлов

Страница 10:

реформа: проблема, психика.
Читатель
продолжает разговор
«Зверобой» —
очерк Лидии Обуховой

Страница 11:

НА ТЕМЫ БЫТА:
статьи писателей Николая
Вирты и Ирины Гуро

Страницы

9, 12, 13, 14, 15:

МЕЖДУНАРОД-
НАЯ ЖИЗНЬ:

попробуем понять Лондон —
статья Михаила Сагатована.
Андрей Вознесенский:
«Ангелы грязи»; стихи.
Портреты без грима:
Генри Майер
делает доллары

Страница 16:

клуб 12 стульев

ВЫДВИНУТА на соискание Ленинской премии этого года серия скульптурных произведений народного художника СССР Е. Белашова целиком посвящена человеку. Не случайно эта серия называется «О человеке, создающем мир».

Екатерина Федоровна Белашова вошла в советское изобразительное искусство как художник широкого творческого диапазона — в ее скульптурах героическая романтика со-

седствует с тонкой лирикой. Белашова прошла отличную профессиональную школу. Она училась у Александра Матвеева. Школа Матвеева — это не только школа высокого профессионального мастерства, но и истинной гражданственности.

Творчество Е. Белашовой убеждает в том, что она успешно развивает традиции лучших представителей русской культуры, рожденной Октябрем.

На протяжении своего многолетнего творческого пути Белашова постоянно

На соискание
Ленинской премии

ПОЭЗИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Б. ИОГАНСОН,
народный художник СССР

обращается к образу русской женщины, раскрывая глубину и твердость ее характера. В таких скульптурах, как «Мечта», «Надежда», «Константиновна Крупская», «Зоя Космодемьянская», художник с большой искренностью говорит о женщине-матери, революционерке, защитнице Родины.

Особое место в творчестве Белашовой занимает работа над пушкинской темой. Вот большой портрет поэта, исполненный в бронзе. И сама композиция с ее необычным

пространственным разворотом, и весь облик Пушкина, потопленного творчеством, рождает мысль об искусстве эстетическом и гуманном.

Поддерживая выдвижение Е. Белашовой на соискание Ленинской премии, я хотел бы отметить силу и ясность ее лучших произведений, их цельность и психологическую выразительность, значительность идейного замысла.

Одна из скульптурных работ Е. А. Белашова в о. в. — «Александр Сергеевич Пушкин».

С Л О В О П И С А Т Е Л Е Й Р О С С И И

Великий основатель Советского государства Владимир Ильич Ленин мечтал о том времени, когда литература станет частью общенародного дела, когда интересы художников слова полностью сольются с интересами народа, когда заботы, тревоги и радости людей труда станут заботами, тревогами и радостями литераторов.

Как и Отечество, рожденное в труде и бою, советская литература рождена революционной бурей, в трудных поисках, в радостных творческих открытиях. Она начиналась с вопроса, неизбежно вставшего перед всеми участвующими в огневые годы революции и гражданской войны: «С кем вы, мастера культуры?» Она закалялась в непрямые годы социалистического строительства, в суровую пору Великой Отечественной войны и ныне поднимается на ту высоту, с которой сегодня мы можем сказать, что Ленинская мечта сбылась! Одно из доказательств тому — знаменательный, исполненный глубокого смысла акт присвоения звания Героя Социалистического Труда крупнейшим представителям многонациональной нашей литературы — Михаилу Шолохову, Константину Федину, Александру Корнейчуку, Леониду Леонову, Мирзо Турсунзаде, Павлу Тычине, Андрею Упиту.

Событие это произошло накануне предстоящего IV Всесоюзного съезда писателей, на котором достойное место займет литература многоязычной России, идущая к славному 50-летию Страны Советов с большими творческими достижениями и успехами.

Писатели России с глубочайшей благодарностью и признательностью отмечают, что в ряду выдающихся художников слова, удостоенных высокого звания, четыре русских писателя, которых вместе с Горьким и Маяковским мы зовем великими, пионерами литературы социалистического реализма: «Первые радости», «Киров с нами», «Русский лес» и другие произведения наших товарищей навсегда вошли в духовную сокровищницу советского народа. Замечательные творения писателей-Героев ведут успешную борьбу за человека нового общества, в удивительном смелых, впечатляющих образах показывают преимущества социалистического строя, его жизнеспособность, необоримую силу, монолитное единство нашей многонациональной державы.

Имена Михаила Шолохова, Константина Федина, Николая Тихонова, Леонида Леонова в числе имен других советских писателей известны далеко за пределами Родины. Нам особенно дорого, что эти крупнейшие мастера нашей литературы, как и все советские художники, — активные бойцы за революционное переустройство мира. Столь высокая оценка писательского труда открывает, вдохновляет мастеров слова на новые художественные свершения, повышает у них чувство ответственности перед героическим нашим временем. Вслед за правдолюбивой советской литературой Михаил Шолоховым мы еще раз торжественно заявляем: «Каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Писатели России заверяют Партию, Правительство, весь наш Народ, что отдадут все свои силы созданию новых произведений, достойных ленинской эпохи.

От имени писателей России
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СТРАНЫ

ПОЛЕЗНЫЙ,
ТВОРЧЕСКИЙ
РАЗГОВОР

Два дня — 14 и 15 марта — в Центральном Доме литераторов на объединенном пленуме общественных комиссий критики, прозы, поэзии, военно-исторической литературы Союза писателей РСФСР обсуждались произведения, печатанные в прошлом году на страницах литературно-художественных журналов.

Пленум открыл секретарь правления Союза писателей РСФСР И. Алексеев. Во вступительном слове В. Панков отметил, что в предстоящем году появилось немало произведений, заслуживающих большого принципиального разговора.

Предметом такого разговора стали в первую очередь многие заметные явления журнальной прозы — романы, повести и рассказы. Аналитично их, Л. Якименко, Л. Фоленко, Н. Яновский, А. Васленко, В. Рылашевский, В. Баранов, Л. Крячко, Г. Бровман, Т. Батурина, В. Чайкаев, В. Лукьянин, В. Гусев, Л. Иванов, Н. Лейдерман говорили о необходимости повышения социальной активности писателя и его героев, о важности создания героических характеров и других проблем литературы социалистического реализма.

Д. Курьяшинов, И. Денисова, Н. Гринберг, посвятившие свои выступления позиции, отметили усиление в ней эпического начала.

Рассуждая о произведениях документального и публицистического жанра, Л. Жак, В. Стариков, П. Полозова подчеркивали, что эти жанры призваны занять особенно значительное место в литературе юбилейного года.

Характерную особенность сегодняшнего литературного процесса И. Пухов, А. Валыбунов, Ю. Щелков и другие выступавшие видели в появлении на страницах нашей художественно совершенных произведений, созданных писателями братских республик.

О критических статьях прошлого года и задачах литературной критики в связи с приближающимся 50-летием

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Великого Октября говорили А. Кленов, Е. Осетров, А. Никольков и другие участники пленума.

Полезность такого обмена мнениями между критиками, прозаиками, поэтами и очеркистами, состоявшегося накануне IV Всесоюзного съезда писателей, подчеркнул в своем заключительном слове В. Панков.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Секретариат правления Московской писательской организации принял решение о проведении в честь 50-летия Советского государства перед IV Всесоюзным съездом писателей фестиваля современной советской литературы в Москве.

В Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей СССР разработаны сейчас программа этого праздника.

Открытие фестиваля решено приурочить ко дню рождения основоположника советской литературы А. М. Горького — 28 марта. В Центральном лектории, Библиотеке имени Ленина, городском Доме учителя и Центральном Доме литераторов состоится большое вечер с участием известных писателей. В библиотеках, на предприятиях организуются встречи с прозаиками, поэтами.

Особое место займут на фестивале выступления писателей старшего поколения — участников Октябрьской революции и гражданской войны.

ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Сейчас, накануне очередного съезда советских писателей, наши литераторы особенно особенно желанные гости. Это подтверждает и поездка Бориса Полевоев в Красноярский край, о которой корреспонденту «ЛГ» рассказал ответственный секретарь правления Красноярского

Навстречу конференции в Бейруте

Через три дня открывается III конференция писателей стран Азии и Африки. Мы публикуем интервью с находящимися в Бейруте членом советской делегации, писателем Борисом Рюриковым. На вопросы нашего корреспондента отвечает также председатель Ливанского подготовительного комитета, профессор Хуссейн Мурруве.

Столица Ливана — Бейрут

БОРИС РЮРИКОВ:

ОСТАЕТСЯ ТРИ ДНЯ

На долю писателей Ливана выпали не легкие обязанности хозяев и организаторов конференции. Много сил отдают подготовительной работе известный писатель Сухейль Идрис, профессор Хуссейн Мурруве, публицист и писатель Камель Абдала, поэт Адонис и другие видные литераторы. Прогрессивные газеты и журналы тепло пишут о предстоящей конференции, о высоком общественном значении литературы.

Конечно, в Ливане, жизнь которого достаточно сложна и пестра, не могло обойтись и без недоброжелательных выпадов. Так, появилась пара злопыхательских статей. Но в целом подготовка идет в дружелюбной обстановке, чему способствуют прогрессивные круги Ливана.

Хуссейн МУРРУВЕ:

ЛИВАН ЖДЕТ...

— Как относятся литературные круги Ливана к предстоящей конференции в Бейруте? — Мы, ливанские писатели, рады и горды тем, что наша столица станет местом этой встречи.

Мы верим, что конференция в Бейруте еще раз подтвердит, как тесно и неразрывно связаны литература и культура с жизнью народа. Мы делаем все возможное, чтобы пребывание советских писателей в ливанской земле было плодотворным и полезным.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии якутской советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения писателя Давыдов Семен Петрович награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Заметил, что передо мной машинист мой сосед по пресс-центру, оказавшийся корреспондентом одного из шведских еженедельных журналов и завлекательным собеседником. О, вам не нужно долго раздумывать над началом! Я бы начал с того, как безумно трудно вашей команде в пятый раз отстоять звание чемпиона мира! Как ожесточенно, зло, жестоко играют с четырехкратным чемпионом даже явные аутсайдеры! Что же, первые же встречи нашей команды показали, что мой собеседник прав. И финны, и американцы, не входящие по одиночному и множественному обзорам, в первую четверть, играли с нами не то что в полную силу, но, я бы сказал, выше своих сил. Прогнозируя, что на нынешнем чемпионате нападку навлекут своим соперникам сверхатлетический стиль игры, все команды так называемой второй четверти

решили восполнить силовыми приемами свои тактические просчеты и несовершенство игровой техники. И не совсем правы те, кто ждет решающих событий только после двадцати пятого, когда начнутся игры между командами Большой Четверки. Малая страсть на нынешнем турнире такова, что любой матч может опровергнуть установившееся представление о расстановке сил. Вот почему в первые же часы чемпионата, словно по команде, оборвался назвавшийся ранее нескончаемым потоком прогнозов.

Австрийская пресса, изо дня в день занимавшаяся анкетным опросом спортивных

превратить в батальон (не по душе мне это слово в спортивном отчете, но от правды не уйдешь!) матч с нашими хоккеистами, что это не принесло им ничего, кроме крупного проигрыша. Да еще они стали первооткрывателями печального счета десяти минутных удалений игроков. Этот матч был, пожалуй, рекордным. Уже на четвертой минуте на сцену оштрафованных восседали два нападца. Приблизился и рекорду этот матч и по количеству падений финских игроков на борт — конечно, падали они далеко не по собственной инициативе!

Обозреватели многих стран отмечают добрую традицию нашей сборной, ежегодно приходящей на мировой чемпионат с несколькими дебютами. На любительском турнире в финском городе «Ванна» Виуллов и Полулянов. Есть основания предполагать, что в следующем году в столице республики — Ереване, в городах и селах Армении пройдут поэтические вечера и торжественные заседания. Готовится издание избранных произведений Египта Чаренца. К юбилею намечается открытие музея Чаренца, а также памятник поэту. Будут учреждены литературные премии имени Египта Чаренца.

Цезарь СОЛОДАР
ВЕНА. (Наш спец. корр.)

ПОЧТА РЕДАКТОРА

Уважаемый товарищ редактор! Северная тематика привлекает многих писателей и журналистов. О нашем ныне «разбухшем» крае часто и охотно пишут. Это очень хорошо. Но нас, северян, волнует и обижает этакая легкость, с которой нередко в заметках, статьях, репортажах искажаются чужие национальные названия, понятия, ошибочно толкуются те или иные события.

Дорогие товарищи! В седьмом номере «Литературной газеты» помещена статья Е. Серебровской «О «рабфактовском периоде», «волшебном» редакторе и редакторе-друге». Я вполне согласен с общей частью этой интересной статьи, но мой пример Е. Серебровская привела напрасно. Дело в том, что я не имею никаких возражений против редакторской правки статьи «Михаил Тухачевский», напечатанного в № 4 «Невы» за 1966 год. Наоборот, я чрезвычайно благодарен товарищам из редакционной коллегии, которые они оказали мне, работающему на столь сложном материале. «А «хвастаться за голову» мне действительно пришлось, но по иной причине, которая понятна всем — писателям и читателям в тексте повести — 16 авторских листов, а в журнальном варианте осталось всего лишь 9...»

Леонтий РАКОВСКИЙ

Не совсем принято благодарить органы печати за их удачные выступления, но я хотел бы отступить от этого правила и горячо поблагодарить газету за опубликование статьи Е. Серебровской. Доказательно, чрезвычайно актуально. Первым (впрочем, первым ли?) выступил в «ЛГ» по этому вопросу покойный Ю. П. Герман. Выступил отлично. Газета тоже авторитетная... И что же? А ничего: живем, как жили. Конкретных результатов никаких. Надо, по-моему, запомнить и выступление Е. Серебровской.

Ну, а дальше то что? Думаю, ничего утешительного из выступления газеты не получится, если не будут приняты какие-то меры. И дело, конечно, не в одном журнале «Нева». Редакторский произвол в той или иной мере поражает и другие журналы, некоторые издательства. Многие Ленинградские писатели, например, долгие годы говорят о неблагополучии в «Ленинздате».

Лето, что с ходу нельзя предложить решение этих больших вопросов. Выход подскажет лишь коллективный разум. Можно было бы создать, например, комиссию на паритетных началах при журнале и издательствах из редакционных работников и наиболее квалифицированных писателей. Пусть эти комиссии обладали бы лишь советательным голосом, рассматривали бы конфликтные рукописи только по рекомендации писательских организаций. Все равно они принесли бы пользу.

«Литературная газета» должна сделать все возможное, чтобы изменить негодную практику некоторых редакторов, редколлежий и издательств.

И. НЕРУЧЕВ, член ССП

Новомир ПАТРИКЕЕВ, Арпкин ЗЕМЛЯНИШИН, члены Союза журналистов СССР, сотрудники газеты «Красный Север»

ЛЕНИНГРАД САЛЕХАРД

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СТРАНЫ

ПЕРЕКЛИЧКА ВРЕМЕН

Пожелтевший, осязательно пролежавший от сухости газетный лист. Стихотворный «столбик» на первой полосе. Острые, посвященные монументальной задаче дня строки. И наконец — разлохотив редактора: «Оплатить по 25 коп. золотом за строку!» Двадцать пять копеек — трудное и прекрасное время... Неспроста поднимают сегодня старые газетные подшивки писатели-исследователи, не давая старому архивному пыли с давних и, казалось бы, отживавших страниц. Познание истории нашего государства, социалистического строительства, освоения Сибири, займут место рядом со статьями современных поэтов Омска, Новосибирска и Томска на страницах сборника «День поэзии», который готовит к 50-летию Советской власти Западно-Сибирское книжное издательство. Наш юмор.

НОВОСИБИРСК

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРА

В. М. Озерову — 50 лет

Сегодня исполняется 50 лет известному критику Виталию Михайловичу Озерову. Секретариат правления Союза писателей СССР и правление юбилею приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Дорогой Виталий Михайлович, сегодня день Вашего пятидесятилетия, хочется сказать Вам, нашему товарищу по работе, самые сердечные слова поздравления и приветия. Читатели у нас в стране и за рубежом знают Вас, как замечательного критика, страстного борца за партийность и народность советской литературы, за утверждение идей социалистического реализма. Ваша монография об Александре Фадееве, Ваши многочисленные книги и статьи, посвященные советской литературе, пользуются широкой известностью в научной и литературной среде и у читателей...»

Возглавив, в течение многих лет журнал «Вопросы литературы», Вы настойчиво добиваетесь того, чтобы слово этого печатного органа звучало все более авторитетно, активно содействуя углубленной разработке актуальных проблем социалистической современной литературы...»

Поздравляя юбилера также секретариат правления Союза писателей РСФСР и Московского отделения.

«Литературная газета» от души присоединяется к этим поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Принищу самою сердечнo и искреннo благодарнo друзей, читателей, поздравивших меня с шестидесятилетием и высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Евгений ПОПОВКИН

«В этом лагере (в лагере для военнопленных под Хабаровском, куда М. Залка был отправлен после того, как в 1916 году попал в русский плен. — Ред.) в впервые познакомился с учением Маркса—Энгельса, с основными и текущими проблемами рабочего революционного движения... — пишет Матэ Залка в автобиографии.

За революционную деятельность среди военнопленных солдат был подвергнут заключению в штрафлагерь, откуда (меня) высвободил переворот.

В ранний период 1918 года началось формирование интергарнизона из военнопленных. В этом движении наша группа принимает деятельное участие. После разгрома наших интерчастей и свержения Советской власти чехословаками в Сибири в сиктансь между тюрьмами и

лагерями и в начале колчаповщины в 1919 году уезжу в Бийскую тайгу с небольшим отрядом венгерских товарищей и немучеными партизанами, в рядах которых дурь до прихода Красной Армии в Красноярск. Отряд мой, ставший ядром впоследствии интерполка и интербригады, отправляется (для) сопровождения отряда у чехов золотого запаса Республики... После этого польский, врангелевский фронты, борьба с бандитизмом в составе войск ВЧК Республики до самой ликвидации этих банд на Украине.

НА СНИМКЕ: Матэ Залка (в первом ряду, в центре) среди военнопленных, 1917 г.

Фото и отрывок из автобиографии публикуются впервые. (Из архива Н. М. Залка.)

«Октябрь повернул и перевернул все мои мысли... Я, досрочно окончив гимназию, поступил в 1-й Московский университет, но очень скоро уехал в Полесовый контроль Западного фронта.

Темные и голодные города Смоленщины, кипевшая вокруг борьба с кулаками восставшими, романтика революции, необыкновенный подъем, который я ощущал в те дни, незабываемы... После смоленских дней я заболел сыпным тифом, вернулся в Москву и некоторое время работал младшим следователем при московском угрозыске... В 1919 году начался самый светлый — курсантский период моей юности. Я поступил в главную школу всеобщего обучения, окончил ее и перешел в Военно-педагогический институт... В начале 1921 года, окончив институт, я опять попал на Западный фронт, на 81-е пехотные курсы, а потом в Политотдел... Это было в период кронштадтского мятежа и борьбы с бандами Булак-Булакчи...

НА СНИМКЕ: Владимир Луговской, 1920 год. Публикуется впервые. (Из архива Е. Л. Луговской.)

«Ночью на улицах крымского городка ловили большевика. За ним гналась толпа офицеров и тех крымских беженцев, которые убивали большевиков на тротуарах. Преследуемый бежал в переулок. Толпа была за углом. На мгновение она потеряла из виду свою жертву. И это мгновение спасло человека. Он увидел невысокий балкон над головой, подпрыгнул, схватился за край балкона и вскочил за перила. Толпа проследовала под балконом...»

Почти тридцать лет назад (1 декабря 1937 года) Николай Погодин рассказал на страницах «Литературной газеты» об этом эпизоде из жизни Владимира Ставского, который в гражданскую войну, выполняя задание разведотдела Реввоенсовета Кавказского фронта, собирав в тылу Врангеля сведения о десантных частях белогвардейцев. Всего один эпизод из биографии будущего писателя, который семнадцать лет вступил добровольцем в Красную Гвардию, был пулеметчиком, начальником разведки, чекистом, комиссаром...

НА СНИМКЕ: Владимир Ставский. Публикуется впервые. (Из архива Н. В. Зуевой.)

Десяти лет хранилась в Центральном государственном архиве кинофотодокументов СССР эта фотография, и никто не знал, кто на ней изображен. Но едва корреспондент «Литературной газеты» Николай Иванов Кочуров — будущий писатель Артем Васильев, активный участник гражданской войны. До этого он уже был ранен — при подавлении белогвардейского мятежа в Польке, потом добровольцем ушел на денкинский фронт... действительности которых партия придавала большое значение. Один из агитпоездов — «Красный казак» — в 1920 году совершил рейс на Дон и Кубань. Редактором газеты на «Красном казак» был Николай Иванов Кочуров — будущий писатель Артем Васильев, активный участник гражданской войны. До этого он уже был ранен — при подавлении белогвардейского мятежа в Польке, потом добровольцем ушел на денкинский фронт...

Снимок публикуется впервые.

Исаак Бабель пишет в «Автобиографии» скупое: «...Служил в Чкае, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 г., в Северной Армии против Юденича, в Первой Конной армии...»

НА СНИМКЕ: Исаак Бабель, участник гражданской войны. Публикуется впервые. (Из архива А. Н. Пирожковой.)

Такое за один год может случиться: мальчишкой только в революцию! «Уехал папочка в Пензу... Скоро учиться», — пишет в своем дневнике в 1918 году Аркадий Гайдар — ученик пятого класса реального училища в Арзамасе. Спустя несколько месяцев Арзамаский комитет партии рассмотрел его заявление, постановил: «Принять в партию с правом совещательного голоса по молодости впереди до законченности партийного воспитания». А уже в декабре того же года 14-летний ученик реального училища, будущий писатель Аркадий Гайдар вступил добровольцем в Красную Армию. И начнется бок с атаманскими бандами и махновцами, с врангелевцами, с антоновцами, с соловьевцами... В 17 лет он уже командир 18-го отдельного полка, ранен, контужен...»

НА СНИМКЕ: Аркадий Гайдар, Кавказский фронт, 1920 год.

ЖИВЫ ТРИ ДРУГА!

Жили три друга в Ростове на-Дону. С непохожими на Ростовцев лицами: один из революционных преподавал рисование и музыку, другой был рабочим владикавказских железнодорожных мастерских, третий — упаковщиком. После революции все трое — литераторы, близкие соратники А. Фадеева, В. Ставского, В. Кирилова по Ростовской ассоциации пролетарских писателей.

Двое из них в литературу пришли через вихри гражданской войны: самый старший — П. Н. Яковлев — громил денкинецов на Кубани, помогал А. И. Бусыгину — возмал на бронепоезде и получил один из первых орденов Боевого Красного Знамени. Ну, а младший, Григорий Кап, комсомолец двадцатых годов, первое в своей жизни стихотворение написал в день смерти Ильича. Выступая на Первом съезде советских писателей, Григорий Кап говорил: «Существо наших стихов — это горячие толчки сердца, наполненного любовью к Родине, к партии, к людям, героически изменяющим мир...»

В 1940 году, к 20-летию освобождения Ростова от белогвардейцев и иностранных интервентов, друзья вместе создали свой последний труд — песню «Последняя ночь». Товарищи по перу высоко оценили это произведение. Велись переговоры о постановке в Ростовском театром имени Ленинского комсомола. Но...

П. Н. Яковлев в 1942 году был схвачен гитлеровцами и замучен в гестаповских застенках.

А. И. Бусыгин погиб еще раньше, в 1941 году, под Вязьмой. «Он прожил честную жизнь и умер честной солдатской смертью...» — писал о нем М. А. Шолохов.

В тех же тяжелых боях под Вязьмой сотрудничал армейской газетой Г. М. Кап пропал без вести. После войны в Ростове вышли избранные произведения А. Бусыгина и Г. Каца. В Москве, Ростове и Краснодаре вышла книга «Девушка с хутора» П. Яковлева, а песня «Последняя ночь», казалось бы, утрачена безвозвратно.

И вот недавно старший ростовский поэт Вениамин Яковлев выступил с воспоминаниями о писателем журнале «Ностер» — «Яковлев» на Дону с 1930 года до начала войны, и редакторе этого журнала Полне Николаевич Яковлев.

Эти воспоминания вызвали много откликов. Один из «откликнувшихся» явился к автору сам и положил на стол увесистую папку.

— Яковлев Вадим, сын Полины Николаевны, — отрекновался он. — Я еще раз тщательно пересмотрел его архив и вот — нашел...

В папке оказалась отпечатанная на машинке песня, кое-где исправленная гремя разными почерками.

По нашей просьбе «Последнюю ночь» прочитал главный редактор Ростовского ТЮЗа имени Ленинского комсомола А. Ю. Хайкин. Он сказал: — Песня и сейчас, спустя четверть века, впечатляет и волнует. После некоторой сценической редакции она могла бы представлять для нас большой интерес.

Наш юмор. РОСТОВ-НА-ДОНУ

Александр КОРНЕЙЧУК

...ПЕРВЫМИ познакомился с Александром Корнейчуком в Киеве. 21 января 1925 года на страницах местной газеты «Большевик» они прочитали рассказ студента «Он был велик», посвященный памяти Ильича.

А в 1937 году драматург Корнейчук, в ту пору уже хорошо известный советским зрителем, возвращается к этой волнующей теме и воссоздает образ Владимира Ильича Ленина в пьесе «Правда». Много воды ушло за эти годы. Из молодого, начинающего автора, чьи первые произведения были во многом несовершенно, вырос зрелый мастер, представитель молодой советской литературы — высокоинтеллектуальной, партийной, народной, отбрасывающей человека нового, передового общества.

Писатель пристально следит за сложным процессом становления характера своего современника, за борьбой с пережитками старого общества. И потому даже самые ранние его произведения находили живой отклик у читателей и зрителей, были всегда актуальны.

Эта замечательная особенность определила все дальнейшее творчество Александра Ефимовича, принесла ему всеобщее признание. Не составляют исключения и пьесы на темы исторические, например «Гибель эскадры». Характеризуя эту трагедию как «одну из лучших историко-революционных пьес», жюри Всесоюзного конкурса отметило, что большая и непреложная ценность «Гибели эскадры» — в высоких идейно-художественных ее качествах. Она наносит сильный удар украинскому национализму и воспитывает зрителя в духе пролетарского интернационализма.

Также во многом и теперь сочувствуют современным создателям «Богдан Хмельницкий», «Фронт» — пьесы, которые долго жили и в украинской сцене, и в театрах всей Советской страны и имели большой успех за рубежом. Объясняется это тем, что драматург никогда не ограничивается только иллюстрацией исторических событий, фактов, а всегда остается мыслителем, гражданином своей эпохи. Он обладает завидным даром находить в далеком и недавнем прошлом то, что близко каждому и сегодня — в плане гражданском, философском и моральном. У

не может быть, поскольку каждое произведение драматурга порождено жизнью, в нем же и возвращается.

Наша литература, литература социалистического реализма, в лучших своих образцах глубоко интернациональна, гуманистична, а ней соединяются истинное художественное мастерство, тонкое проникновение в психологию героя, умелое использование жанровых возможностей.

В творчестве А. Е. Корнейчука блестяще сочетаются высокая идейная сила с незаурядным мастерством, отличным знанием законов сцены. Позволив себе привести слова В. И. Немировича-Данченко о Корнейчуке: «От многих наших молодых драматургов он отличается тем, что владеет чувством театральности, владеет природой театра. Это редкое сочетание всех свойств в одном писателе встречается раз в двадцать лет. Мало что талантливое произведение — нужно еще обладать особым дарованием и дать пьесу, обладающую театральностью. Эта черта сразу же чувствуется в Корнейчуке...»

Казаюсь бы, уже и того, что здесь перечислено, вполне достаточно для высшей оценки. Между тем до сих пор речь шла только об одной грани деятельности Александра Ефимовича — о его творчестве. Да и об этом, разумеется, в рамках статьи сказано отнюдь не все. Можно добавить, к примеру, что в последние годы писатель находит время и силы, чтобы еще раз вернуться к написанному, хоть оно, казалось, надежно апробировано. Благодаря этому на сценах театров по всей в новых редакциях «Платон Кречет», «Ван-Кир», «В степях Украины», «Калиновая роща»... Вот он, еще один образчик высокой творческой выскальности!

Однако, повторяю, даже бездельный очерк об Александре Корнейчуке был бы неполным без упоминания о его огромной общественной деятельности. Творчество и общественная работа теснейшим образом связаны в его жизни, взаимно дополняя и обогащаясь. Неелкие заботы депутата и ответственной партийной работы, обязанности академика тревожили борца за мир — все это вошло в жизнь Александра Корнейчука, стало его вторым дыханием, еще одной гранью его многообразной деятельности. В день посвящения ему высокого звания Героя Социалистического Труда нам стало известно, что он работает над новой пьесой к 30-летию Октября, что строит его также на материале из со временной жизни, что по-прежнему ее красоте ума, сердца и характера советского человека, нашей Родине, сильной ленинской идеологии, дружбы и братства народов, их молотливой сплоченностью вокруг Коммунистической партии. И, как всегда, рядом с этим — заботы больного общественного деятеля и борца за мир.

Размах и задачи, поставленные перед ним, не соответствуют его таланту и силе. Он достоин Героя Труда!

Борис БУРКАТОВ
КИЕВ

НА ВСТРЕЧУ ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ

* О НЕТРЕБОВАТЕЛЬНЫХ АВТОРАХ И «ПЛОХИХ» ЧИТАТЕЛЯХ

КРИТЕРИИ ВКУСА

Игорь МУРАТОВ

ИЗ МНОГИХ острых проблем, поставленных на Пятом съезде писателей Украины, одна больше всего взволновала и заставила крепко задуматься проблема взаимоотношений между современным писателем и читателем. Думаю, о ней будут говорить и на Всесоюзном писательском съезде, который уже не за горами.

Мы привыкли гордиться миллионами наших читателей и по праву гордимся, что о такой «аудитории» могли мечтать при жизни Пушкин и Гоголь, и Шевченко и Франко! В юбилейном году, как никогда, уместно по-прежнему напомнить, что читатель этих нас дал Октябрьская революция, советский наш строй, Коммунистическая партия. И мысль о том, что приобретаемый Октябрь к литературе читатель берет в руки и мою книгу, одновременно радует меня и тревожит: выдержит ли она, эта книга, испытание не только на «читабельность», но и на «прочность»?

Эта мысль заставляет остро почувствовать свой долг, свою писательскую ответственность перед народом. Почувствовать «всесоюдно, грубо, зримо» все значение Слова, которое мы несем миллионам людей. Но нельзя забывать и о том, что бытующее у нас выражение «писатель в долгу перед народом», как и медаль, имеет две стороны. У читателя перед писателем тоже немало долгов. В первую очередь — это святая обязанность неустойно повышать свой литературный, свой художественный вкус, чтобы уметь разбираться в том, где большая литература, а где — ремесленная поделка.

Вряд ли стоит к нему добавлять, что в подобных творениях все эти искусственно заостренные конфликты завершаются обычно вничью, а ежели автор, играя за смелость, идет вдруг на непопулярный финал, то и драматический исход превращается лишь в жалкое подобие драмы.

Ничем не отличается от ложной романтики и ложный психологизм, которым особенно часто грешат сегодня молодые писатели. За последние годы в наших литературах одно за другим появляются психологические произведения, в которых матери срывают от детей предательство их бессловно погибших отцов, коих дети считают героями. Нет, мы не против искренности, если это помогает как можно полнее раскрыть психологию героев. Однако без подлинной социальной и человековедческой глубины даже самая разная идея пренебрегая броскостью, превращается в дешевую остроу, кудрявую приправу к заведомо пресному бульду.

«Позвольте», — возразят мне авторы произведений, сходных с теми, которые я здесь раскритиковал, — разве можно причислить к разряду мелкотемных конфликтов между передовиками и консерваторами? Разве личная жизнь современников, включая сюда и несчастную любовь, и слезную ревность, и неудачный брак, не может быть предметом художественной литературы? И разве до сих пор еще не стоит на пути у желанной державы молодежи мечтания, обыватель в обличии низкающего родственника? Так в чем же вы, собственно, обвиняете? — скажут мне эти самые авторы. — В повторяемости ситуаций и характеров отдельных героев? Но ведь это было во все времена! Помните бальзаковского Растиньяка, степовского Жюльена Сореля, моласаковского Жоржа Доруа, — разве не напоминают они друг друга? А Онегина? Пенюрю? Рудина?

Да, все это так. Но сердитая остается сердитой, даже если она ханхает за большие проблемы, даже если она приглатывает «на гастроли» вполне полнокровных героев. Правда, ей удается кое-кого ввести в заблуждение: ишь читатели принимают дешевую жемсть за чистое золото, стеслясь — за драгоценные камни.

Как же с этим бороться? Вот тут-то и вступает в бой за большое искусство единственный и неподкупный его защитник — хороший художественный вкус.

БЫЛО БЫ по меньшей мере главным предположить, что авторы бесцветных произведений создают их таковыми умышленно. Они, эти авторы, вовсе не признают себя виновными в появлении подобной литературы. (Я сам был свидетелем того, когда слова О. Гончара о засилье серости были встречены дружными рукоплесканиями всех участников съезда без исключения. А ведь среди них были и те, кому следовало от этих слов пригорюниться!)

Вкус — необходимый критерий и для творцов искусства, и для его потребителей. Как им овладеть, как воспитать его в себе и привить другим? Не легкая задача! Ведь это качество далеко не всегда приходит к нам вместе с накопленным знанием, с жизненным опытом. Даже фактор времени в его масштабном понятии, несая в себе зародок последовательного прогресса культуры народа, и то слишком медленно оказывает влияние на множество людей, в том числе образованных, страдающих литературной безвкусицей.

Попробуем искать пути к ее преодолению не столько, по этапам. Первым этапом мне представляется активное повышение требовательности к тем творцам, которые в силу разных причин, обладая хорошим вкусом, зачастую идут на компромисс с безвкусицей. Почему это происходит? В одних случаях из-за наивной поспешности, из желания «сделать» имя, в других — из-за утраты внутренних критериев по отношению к своему творчеству; в третьих — из-за лености, объясняемой тем, что у других, мол, еще хуже, а ведь читают!

Да, самое страшное для литературы, когда общество прощает безвкусицу в произведениях писателей ярких, самобытных, талантливых. Ибо, принимая их хорошие книги в целом, и читатель, и критики в лучшем случае закрывают глаза на изъяны, а в худшем — причисляют эти изъяны к «творческим особенностям».

Разве мало в некоторых популярных, по заслугам расхваленных и по заслугам читаемых романах, новеллах, рассказах и элементах сюжетной оригинальности, и унылого подвоя героев, и вычурных языковых изысканий, и слезливой чувственности? То есть умный читатель вполне сознательно принимает такие произведения «наполювину», условно достигая то, что не достигал автор. Это уже замена художественному вкусу — вещь непростоистенная в творче-

ских взаимоотношениях читателя и писателя. С этого начинается равнодушие, а при читательском равнодушии воспитательное значение литературы сводится к нулю.

ТАК КТО ЖЕ все-таки несет главную ответственность за потоки литературной серости наряду с уже упомянутыми талантливыми литераторами, недостаточно требовательными к себе в отношении вкуса? Издатели? Критики? Библиотекари? Преподаватели литературы? И они, несомненно. Но для того чтобы адрес был точнее, мне кажется, следует потенциальных виновников объединить в одну категорию — нетребовательных читателей, так как все эти носители дурного вкуса, в том числе и многие литераторы, являются прежде всего плохими читателями.

Наш советский читатель, — говорю мы, — самый лучший в мире». Это бесспорно, если рассматривать его с точки зрения философского credo и передовых идейных позиций. Но если говорить о нем как о главном судье произведений искусства, было бы неправым утверждать эту истину без соответствующей дифференциации. Кстати, напомню, что об этом в свое время говорил Максим Рильский в одной из бесед, опубликованных газетой «Вечерний Киев».

Мы до сих пор как-то стесливо улачиваем о том, что есть у нас даже среди передовиков производства и научных работников немало читателей, не обладающих хорошим литературным вкусом. Я лично знаю одного академика, который проливал слезы на сентиментальном фильме «Невестина невестина» и оставался глубоко равнодушным к драматургии нашего гениального современника Бертольда Брехта.

На кого же ориентироваться? На Брехта или «Невестину невестину»? Вести к читателю, если так можно выразиться, творческой поэзии, силой таланта, вдохновения, мастерства воспитывать хороший вкус? Или играть в подданки и рассчитывать на вкус дурной? Думаю, ответ может быть только один.

Нет спору, против поверхностности, против унылой банальности в литературе должны бороться на своих постах и редакторы, и внутренние рецензенты, и критики. Особенно остро необходим нам вдумчивый анализ высокохудожественных произведений искусства. Но самым непростым барьером для серости должна быть читательская нетерпимость к ремесленным поделкам, высокий и требовательный читательский вкус.

ДАВНО прошли времена, когда в силу многовекового социального неравенства воспитанность и тайная искусства, их глубокие познания и ощущение были уделом избранных. Октябрьская революция дала трудящимся нашей страны все материальные и духовные возможности для того, чтобы стать истинными ценителями и знатоками духовных сокровищ, созданных человечеством.

Однако это не значит, что всегда и везде одинаково правильно действует формула: «народу все непонятно». Что понятно и то непонятно, что художественно и что малохудожественно, следует определять при подходе к народу, то есть к широкой массе читателей, не с точки зрения их арифметического большинства, а с точки зрения их культурного уровня, их эстетической зрелости.

Не следует забывать, что в «большинство голосов», оценивающих то или иное литературное произведение, порой входят и голоса обывателей, утилитаристов-мещан. А мещане по своей сути являются инстинктивны. Они прислушиваются не к пульсу эпохи, а к своим эгоистическим инстинктам. Они сравнивают прочитанное не с передовыми явлениями жизни, а со своими мелочными идеалами. Они остаются мещанами, не только поклоняясь неестественному примитивизму, но и пренебрегая безудержной эстетикой. Ибо, выступая и под личиной литературного гурмана, мещанин пытается принизить высокие идеалы до своего пещирного уровня. И бороться с воинствующим мещанством должны передовые писатели, редакторы, критики, а главное — радовые читатели.

У нас немало людей, все свободное время отдающих рыбалке, футболу и хоккею и слишком узкопарно относящихся к искусству и литературе. Как и категориям развлекательных искусств, так и категориям серьезной литературы, а ведь на таких отцов смотрят дети и учатся у них основы культуры. И поэтому так важно воспитывать равнодушными и тому, что призвано обогащать их духовно, наполнить их достоянием творческой мыслью, духом прекрасных исканий и счастливых открытий — духом высшего наслаждения для разумного человека.

И когда действительно всеобщим явлением станет высочайшая читательская требовательность к искусству, тогда отступит мещанство, а сознание важнейших обязанностей у творцов и читателей создаст до высшего напряжения, без которого немислим расцвет подлинного искусства.

ХАРЬКОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СТРАНЫ

ЮБИЛЕЙ УКРАИНСКОЙ «ЛИТЕРАТУРКИ»

Исполняется сорок лет со дня выхода первого номера газеты украинских писателей, одной из старейших литературных газет страны. Первым ее редактором был известный украинский прозаик Иван Ле, удостоивший на днях премии имени Т. Г. Шевченко. Весь сорокалетний путь газеты тесно связан с развитием литературного процесса в республике. «Литературна Україна» превратилась в трибуну не только писателей, но и ученых, художников, учителей — работников всего культурного фронта.

За заслуги в развитии украинской советской литературы Президиум Верховного Совета УССР в 1957 году награждает газету почетной грамотой.

В эти дни редакция получает множество приветствий от писателей, читателей, редакций журналов и газет, общественных организаций.

В приветствии секретариата правления Союза писателей СССР, в частности, говорится: «...В том, что украинская литература достигла новых замечательных успехов, о которых говорилось с трибуны недавно проходившего V съезда писателей УССР, есть немалая заслуга и «Литературной Украины».

Наш ноябрь. КИЕВ. (По телефону).

ПРЕМИЮ ВРУЧАЕТ КОЛКОЗ

Ежегодно, в марте, в день рождения классика восточной литературы Эбулара Вильде, колхоз, носящий имя писателя,

присуждает премию за лучшее произведение на сельскую тему. В этом году премию удостоен молодой писатель Матс Траат — за сборник рассказов «Постучи в желтое окно» и серию стихов.

Наш. ноябрь. (По телефону)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

В Алма-Ате готовится пленум правления Союза писателей Казахстана, посвященный проблемам художественного перевода. На пленум приглашается большая группа молодых казахских литераторов, связанных с республикой.

Об этом шла речь на заседании совета по казахской литературе в Союзе писателей СССР, которое проходило под председательством Е. Пермитина.

критики из Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Финляндии, а также представители центральных издательства и журналов.

МОЛОДЫЕ АВТОРЫ ЖЕМАЙТИ

Жемайтин — прекрасный край Литвы — Жемайтия. Он дал литовской литературе немало писателей, имена которых составили ее славу, ее гордость, выдающихся классиков — Жемайте, Майбориса.

Теперь добряется здесь новая добрая смена. Это подтвердил прошедший в Клайпеде съезд молодых писателей Жемайтии. На встречу съезדים приехали старшие жемайтийские писатели Ю. Валутис, М. Слукис, К. Сас, А. Пошус, В. Рубикас, И. Микелинис, А. Варнонас, другие литераторы.

Молодые авторы представили на съезд свои стихи, рассказы, очерки, повести. Состоялся деловой разговор о литовской литературе, о путях ее развития.

Вильнюс. (Наш ноябрь)

По страницам республиканских журналов

ОЖИВШИЕ ЛИСТКИ КАЛЕНДАРЯ

В трех номерах журнала «Полярная» публикуются «Листики календаря» Максима Трыка.

Первый записи датирован седьмым января 1955 года.

Листик моего календаря — все время торжества и радостной остроты. Непременно из них я сам вырываю и уничтожаю. Тяжело по тансу календарю жить... Там начинаются дневниковые записи, тогда молодого поэта из Западной Белоруссии, живущей в составе Польши.

Первые строки передают напряженность атмосферы тех лет, изначальную остроту борьбы. Вместо подлинных имен — заглавные буквы, конспиративные клички. Подлинный язык и зашифрованность событий, — чтобы все это не послужило началом для нового опуса: пана прокурора.

«Д» полночи осталось 15 минут. Интересно, сколько часов, ночей и дней, сколько еще лет — до следующего восхода? — так заканчивается этот первый листок ожившего календаря.

Максим Трык прокомментировал для «Литературной газеты» публикацию своего давнего дневника.

Эти записи для меня очень дороги. Дневником партийной привлекла в учить в год, был исключен из гимназии за участие в студенческой демонстрации. Дважды побывал в тюрьме за революционную деятельность. За мной наблюдения, естественно, весьма интересовались тем, что я

пишу. Не могло быть и малейшей гарантии, что мои дневниковые тетради не станут в какой-то момент добычей полицейских шпиков. Но не только поэтому они пестрят инициалами и кличками. Подлинными именами многих товарищей-революционеров я не знал и не должен был знать по соображениям строгой конспирации. Чтобы расшфировать эти инициалы и подпольные клички, потребовались и время, и труд. Это — не легкая задача. Далеко не все имена удалось передать гласности. И не потому, что с годами многие потеряли в ладу. Дело в том, что подлинники многих революционеров Западной Белоруссии и ныне не известны: еще не расшифрованы в государственных архивах и музеях подпольные клички.

В условиях ланской Польши, мандаринской сложки постоянно приходится прятать эти записи. В войну часть тетрадей, хранившихся в Вильнюсе, погибла, а другая часть удалось спасти моему отцу.

В дневниковых записях всегда есть много личного. Я решительно избегал такие куски. Мне хотелось передать общественную атмосферу, в которой создавались то или иное произведение моей молодости, опубликовать для современных читателей лишь те строки, страницы, которые воссоздают действительность сороковых тридцатых годов и представляют своеобразный комментарий, что ли, к моему поэзии, показывая ее корни, пути-перекрестки.

МИНСК. (Наш ноябрь)

ТВОРЧЕСТВО ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

В стихах Павла Васильева — полный запал, буйство ветра, нестоющая уральская степь, окружающая его с детства. Он родился «на золотой, на яростной, прекрасной земле». Не хуже любого джигиты разбирался в арматурах и знал цену напитку восточных царей — кумысу.

И в час, когда падают туманы, Ширококрылой стал взмах, Мы будем пить густой И пыльный И пьяный В мешках булущий кумыс.

И если правда, что прекрасное зарождается в человеке еще в раннем детстве не только под воздействием людской среды, но и природы, его окружающей, то земля казахская, можно считать, была колдыбелью для него и как для

БЫТЬ ЖИВЫМ...

ВЫШЛА в свет книга Владимира Соколова, по которой можно судить о почти двадцатилетнем творческом пути поэта. Его поэтическое лицо складывалось в пестрое, богатое именами, открытиями и поисками время. Ранние его стихи часто несовершенны, местами, они написаны так, как будто перед поэтом не было необходимого цели. Но не было и стремления придумать каку-то ложную, неоригинальную для него цель. И даже в самых ранних стихах Соколова невозможно найти соблазнительные и эффектные пошлости, подменить живое чувство формальными достижениями.

«С вокзала пулеметы в ночь грешали. Огнем разрывов вспыхивала тьма. Век не видя куда-то уезжали, а тут она привезла сама» — вот образец в меру лирического, в меру рассудочного повествования, характерного для его ранних стихов. Осколки

Владимира Соколова. Разные годы. Стихи. Издательство «Советский писатель», М., 1966.

этой манеры сохранились у Соколова до последнего времени. Эти осколки не опасны, не смертельны, просто они раздражают ненужностью, буквальной, словом, — своим существованием. В прекрасном стихотворении «Проспился я у господина Бога...» Соколов вдруг словно остывает:

Но лежат вчерашние травы, не гремя поапрошлый (?) гром... Мне пришло слово — надобно славы, и с этой не столь одиноко.

А то снег вдруг валится «на тебя, мою звезду в привозной койке», или опять: «была ты в косыночке светлой и в кожаном синем пальто». Это все мило. Но когда Блок пишет: «ты в синий плащ печально завернулась, в сырью ночь ты из дому ушла», понимаешь, что здесь синий плащ связан с ночью, с гибелью, а у Соколова «кожаное синее пальто» — всего лишь деталь быта, подтверждение реальности происходящего.

Но слава богу, что в глав-

ного переживает горло. Мы жили здесь без грез, без слез, Среди ветхих стен... Не на ощупь, Однажды вышли мы на площадь, Нас ветер в стороны разнес.

И если некогда, подшучивая над собой, поэт спрашивал себя: «Куда же это я забред, такой наивный и умный?», то сейчас он уже не спрашивает, а застенчиво, словно бы извиняясь за свое печальное знание, подносит не для всякого, почти недоумевающего:

В купях вымокших — шорох вороной, Тико плавают листья в пруду. Что за черт, я совсем посторонний В этом перелом, забытом саду.

Если в первом случае слова сказаны или даже пролевы с оттенком иронии и расчете на присутствующего слушателя или читателя, то во втором они сказаны шепотом, про себя и для себя, и поэтому полны убедительности и истинного очарования. Углубленный в этот внутренний разговор, Владимир Соколов почти не вступает в спор с внешним миром, разве только в стихотворении «Пожалей меня, старуха». Вместе со знанием о неискренности жизни к Соко-

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ШТАМПА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ШТАМПА

ЧИТАЯ художественную литературу о войне, об армии, замечая, что авторы многих книг почему-то обходят вниманием тружеников органов тыла наших Вооруженных Сил, а если и изображают их, то, как правило, только в отрицательном плане. Мне, автору одного вымышленного такого персонажа, видимо, с целью «оживления», Намало мог бы в перечислить романов, повестей, рассказов, где дается штампованный образ интенданта, деленного почему-то чертами снабженца дореволюционной армии, механически перенесенным в наше время. Только незнание или нежелание знать новую природу Вооруженных Сил, героическая и самоотверженная труд людей служб тыла, характер их деятельности можно объяснить, почему в ряде художественных произведений солдаты, сержанты, старшины, офицеры и генералы, занимающиеся «бюджетными» делами «тыловиков», изображаются как черствые, бездушные люди, которые бродяжничают и волочатся. А ведь «бюджетники» — это — снабженцы войск боеприпасами, горючим, продовольствием, обмундированием, восстановлением путей сообщения, поврежденной военной техники, медицинское обеспечение, воинские перевозки. И все это — нередко с риском для жизни, под огнем врага.

Я вспоминаю такой короткий в целом роман, как «Красное знамя». Авторами были Николай и Мария Давурин. Неприятно изобразили в нем людей нашей профессии! Повер чуть ли не предвзято изводит солдат неизменно ласковой, старшина роты — бездельник и трус — становится измученным Родиной, «мачехой» обкрадывает государство, приспосабливая на довольствие «мертвых душ», интендант — трус и к тому же бездушный формалист, откровенно хитрый предостергает обратный авторитаризм для эвакуации раненых.

Примудры другие примеры. Драматург Любомир Дмитриев в пьесе «Генерал Ватулин» вкладывает в уста своего героя такую угрозу: «Еще раз повезешь в обезд — пошло в интенданты». Подразумевается — на самую что ни есть скучную и неблагодарную работу... У Юрия Бондарева в повести «Последние зельцы» к подобной угрозе прибегает капитан Новиков: «...если через пять минут не будет связи с Овчинниковым... сплыву в позорный!»

Я не хочу сказать, что такие беззастенчивые проносы не произносятся в армии, — бывает, произносятся. Но в том-то и дело, что в них отражены устаревшие, несправедливые представления. И потому я не могу одобрить Л. Дмитриева, у которого подобную фразу проносит крупный, талантливый военачальник, не могу одобрить Ю. Бондарева, чей капитан Новиков — обязательный, мужественный командир. По моему, оба автора в этих случаях лишь способствуют (объективно) закреплению неверных взглядов.

Надо сказать, что в повести Юрия Бондарева довольно реалистично отражено еще еще бытующее среди некоторых частей командного и начальствующего состава барские, пренебрежительные отношения к «рабочим» тыла. Я имею в виду эпизод столкновения капитана Новикова с интендантом Новиковым, не разбравшись, оскорбляет этого человека, забываясь об интересах дела. Впоследствии Новиков извиняется перед ним. Казалось бы, изображена ситуация, которая имеет определенное воспитательное значение. Однако посмотрите: Новиков признает свою вину («посурьезнее» А. интендант (вот уж даже штампу!) изображен писателем весьма

Травюра художника А. Г. Мосина к роману А. Толстого «Ходячие по мукам».

ЗДЕСЬ МОЙ ДОМ

В ЖУРНАЛЕ «Огонек» появился рассказ Валерия Герасимова «Здесь мой дом». Мне захотелось написать о нем потому, что он типичен для творчества писателя и стоит в одном ряду с такими же талантливыми и к сожалению, недостаточно оцененными произведениями, как «Единственная ночь», «Меня нельзя бросить», «Простая фамилия», «Байдарские ворота», «Хитрые глаза», «Жалость».

Обращая внимание на первую фразу рассказа: «Все проходило на должном уровне». В ней — иронический ключ ко многому, следующему затем. «Должним уровнем» — отнюдь не должный, а, увы, более или менее распространенный. На таком «должном уровне» и празднуется юбилей архитектора Евграфа Петровича Чугунова, чья бутфорочная длинная библиотечная борода, аккуратно выложенная на старую машинку, перерастает в образ самого ее обладателя.

Среди прочих на юбилей выступил и ответственный его организатор, опытный оратор и общественник Федор Максимович Горохов. Он-то и есть главная фигура. Мы познакомимся с ним в тот самый момент, когда он прикладывает свою приветственную речь, рассчитывая на эффект.

Но вот события принимают неожиданный оборот. И возникает та самая драматическая коллизия, которая характерна для творчества Герасимова. Горохов, который погряз было в неомещанском болоте, встречается с умирающим другом своей комсомольской юности Шуры Дунаевой и благодаря ей возвращается к тому, кем когда-то горел и что всегда подспудно жило в нем. Ирония и сарказм уступают здесь место сопереживанию. В авторской речи — сочувствие, сострадание и, больше того, любовь: «И сейчас он видел не только ее все еще прекрасные глаза, а почти совсем седые, особенно у корней, волосы и обтянутые, словно прихосичие к деснам губы... И все же общая красота всей головы, думающего лба и глубина взгляда — все это осталось!»

Беседа Горохова и Шуры Дунаевой не могла длиться долго. Но сколько он за это время передумал, пережил!

Диалог героев предельно напряжен и бескомпромиссен. Да он и не может быть иным, когда речь идет о том, что составляет самую сущность их жизни... Горохов тешит себя иллюзией, что женившись на Нине Васильевне, этой «комплексной женщине», как метко ее окрестил, он стал человеком. «Человеком» — Шура подыала на него глаза. — Да. С тех пор я встречала твою имя в печати... Но всегда: выступал, открывал, хоронил, приветствовал, но никогда: строил... Она развлекла его иллюзией.

Они касаются многих проблем: моральных, нравственных... Во всем — ее превосходство. И он, Федор Максимович Горохов, солидный, полный, лысеющий уже человек, начинает понимать, что «все, о чем она говорила, и было самым главным, самым нужным для него... Слово как-то здесь широко распахнулось перед ним, и за ним было не только страшно, но и светло...»

Он предстал перед страшнейшим судом своей совести и понял, что уйти от него — значит уйти от правды, от жизни, от самого себя, что дом его не там, где Нина Васильевна, а здесь.

Трудный этот душевный поворот, вернее — переворот, показан точно, убедительно.

Я бы заметил, что Горохов — главная фигура рассказа. Точнее будет сказать, что главную роль будет с ним Дунаева. Валерий Герасимов создал целую галерею высокотипологических и поистине мужественных женских характеров, образов. Шура Дунаева — один из них.

Рассказ примечателен тем, о чем написано, как написано, что весьма важно, для чего написано. Здесь во всем проявился талант писателя, близкий, как мне представляется, чеховской школе, но, конечно же, вполне самостоятельный.

С. ТРЕГУБ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПОЭТА

НИКТО не знает, как лучше писать путевые очерки. И так можно, и так, и так. Рекомендации неразумны и опасны. Но одно предостережение необходимо. Оно и делалось не раз. Ему не все авторы внимали — вот почему интерес к путевому очерку, особенно зарубежному, несколько охладил. На время, надеюсь.

Есть в поэтике художественного очерка правдолюбивая обязательность: прямая информация исключается. В книгах о странах она уже притит: сквозь Мюнхен прорыт туннель, мимо в стальной километровой, в небоскребе Эмпайр стейтс биндинг 102 этажа... Не это интересно.

Сопоставлять, негодовать, ликовать, делать выводы, но не сообщать. Точнее, сообщать, лишь сопоставляя, негодуя, ликовая, осмысливая. Впрочем, это куда легче объяснить, чем исполнить.

Поэтесса Маргарита Алигер

М. Алигер. «Возвращение в Чили». Издательство «Советский писатель», М., 1966.

ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ

Эта повесть о первой, нормальной, обыкновенной юношеской любви, то есть о самом необычном, самом необыкновенном событии в человеческой жизни. Это глубоко личная история, описанная грустно и нежно.

...Маленький городок под Киевом двадцатых годов. Девочка Ника Тукачинская, властительница сердец сверстников-мальчишек. Худой мальчик — сирота, почти незаметный в толпе вздыхателей. Грохот первой пятитонки, вырвавшийся в провинциальную тишину. Вихрь мечтаний уносит мальчишка, как многих, в трудовое странствие по России: «Почему-то нам всем тогда казалось, что только далеко-далеко можно стать человеком». Скопив деньги, юноша возвращается к Нике, и они проводят вместе один-единственный день. Он узнает, что к нему равнодушны. Через много времени отыскивает Нику вторично. Она уже почти покорена его лаской, но ей кажется, что сейчас не время для личных дел, что любовь будет помехой чему-то великому и могучему, открывающемуся впереди. И они расстаются — уже навсегда.

«Оба мы были еще слишком юными, оба через край кипели радостью и первоначальной изысканной чувством ее бесконечности, ее бесмертия, и обещанием, вечным обещанием куда...» И лишь по истечении долгих лет становится...

В. Липольский. «Карусель», повесть. «Знамя», № 12, 1966.

В РЕДАКЦИИ «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Из воспоминаний об А. Г. МАЛЫШКИНЕ

Скоро я узнал, что новый сотрудник — это Александр Георгиевич Малышкин, автор повести «Падение Авраама», человек с университетским филологическим образованием, в прошлом морской офицер и преподаватель русского языка в каком-то провинциальном реальном училище.

Новое дело наживалось, и скоро все убедились, что Малышкин — самый образованный человек в редакции. Когда пришла весть о смерти Ленина и все мы были мобилизованы для выпуска восторженного номера газеты, а затем в траурного сборника «У великой могучей», Малышкин был одним из тех, кому доверили редактирование воспоминаний и откликов, какие мы добавляли.

Первое время ничего не выдавало в Малышкине писателя. В литературе он не говорил. А литературы он не говорил — для этого просто не было времени. Лишь после стало известно, что он после живая ночь напролет в спальной полуотдельной комнате где-то на Остоженке, испуская мелким почерком страницу за страницей.

Все чаще у его стола толпились редакционная молодежь и практиковавшиеся у нас слушатели Военной академии.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРА

В. П. Воеводину — 60 лет

Исполнилось 60 лет известному прозаику Всеволоду Петровичу Воеводину. Секретариат правления Союза писателей и редакция «Красной звезды» приветствие, в котором говорится:

«С чувством сердечной признательности и уважения приветствуем Вас, дорогого Всеволода Петровича, со славными 60-летием. Мы высоко ценим Ваше талантливое творчество, Вашу активную и плодотворную общественную и публицистическую деятельность. От души желаем крепкого здоровья, прежней неутомимости, новых творческих успехов».

«Литературная газета» от души поздравляет В. П. Воеводина.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Разрешите через вашу газету от всех души поблагодарить всех товарищей, пришедших свои поздравления и добрые пожелания в связи с моим пятидесятилетием.

Елизар МАЛЫЦЕВ

К ОНЕЦ 1923 года. Москва. По замощенной булыжником Красной площади тарактели, пролетки, цокалки колыхали извозничьи лошадей. Потрескивали свечи в Иверской часовне, у которой толпились нищие старухи.

Торговые ряды на углу тогдашней Итинки (ныне улицы Куйбышева) стали Вторым домом Революции. На мансардном этаже его было отведено помещению для создаваемой газеты «Красная звезда».

Первый номер «Красной звезды» вышел 1 января 1924 года, но работа редакции началась раньше. Вначале все материалы мы сдавали секретарю редакции Мише Поляку. Затем наступил день, когда Поляк стал отсылать авторов к появившемуся наконец правнику.

Привыкнув к шутливому, кеззашному, беззаботным

Жизнь редакции разнообразилась и тем, что мы стали выпускать журнал «Военный крокодил». Когда в нашем альбаре появлялся художник М. Черемных, Александр Георгиевич, как и все, бросал работу и выебал в прихожую. Черемных был тогда в расцвете сил. Он расстилал прямо на полу большие белые листы со своими карикатурами, и вся редакция живо обсуждала их. Приходил и поэт-сатирик Я. Пшиблель-Кумач.

Александр Георгиевич быстро менялся. Становился общительней, и при всей своей сдержанности принимал все большее участие в литературных спорах.

И. ЭКСЛЕР

Анатолий ШАСТИН

РАССКАЗ

ЭТО было благодатное место — желтый песок, бронзовые сосны и синяя вода. Она с шорохом терлась о галечный берег, и на нем оставались грязно-зеленые клочья пены и всякая всячина, которую несло с верховий.

Летом это было благодатное место, насыщенное солнцем и запахами тайги. Не то что зимой, когда все вокруг засыпало снегом. Тогда старик почти не вылезал из своего логова. Разве что за дровами, на которые он потихоньку растаскивал заброшенные постройки.

Старику шел восьмой десяток, но он был еще достаточно крепок, чтобы выворотить из заплота бревно, а потом разбить его на мелкие чурки. И он делал это раз в несколько недель. И тогда на снегу, там, где он топтался, оставались следы подшитого валенка и глубокие вмятины от деревянной колотушки, которая сорок с лишним лет заменила ему ногу.

Зимой было скверно. Жилье заметало снегом почти до конька, и волки бродили по соседству. Ночами Северьян слышал их тоскливый вой. Старая и кривая на один глаз дровяная Медведка жалась к ногам. А Северьян привык. По временам ему казалось, что так было всегда. Он до ушей зарос желто-серыми космами, из которых переспелой малиной торчал нос и шуршили голубенькие глаза.

Припасу, завезенного на шитике еще по теллу, хватало до того самого времени, когда Лена, ломая прибрежные тальники, проносила по полю воду. До этого самого времени Северьян оставался только мелкие заботы о тепле и воспоминания, которые он лениво перебирал в памяти, как перебирают старые фотографии.

Он вспоминал себя молодым. И сейчас еще иногда, просясь в предутренней темноте и не открывая глаз, он чувствовал себя молодым. Это было обманчивое ощущение. Но в первые минуты после пробуждения, когда сонное ощущение еще держалось в каждом суставе, оно было достаточно четким. Потом оно уходило, и он, покопавшись в памяти, отыскивал друзей. Войну. Еще ту, давнишнюю. Она представлялась ему сплошной зимой. То ли намерся он тогда так, что не мог представить ее себе по-другому. То ли в самом деле время, когда он партизан против белогвардейцев, падало на зиму. Во всяком случае, виделась ему та война по-своему: просто зима, и снега в тайге по брюхо.

В Гуляеве, где он родился, была церковь на пригорке, а малость в стороне, сажень за двадцать, — колокольня. Там, во дворе, — погост с сосновыми надгробьями. А вправо и влево — улица: избы из красных бревен, амбары в два жита с бойницами — хрен возьмешь, если с ружьишком скоротиться.

Хорошая была деревня. Жили да жили. Старикам ладно было, а молодых леший увел, не скотели. И Гришка, сволочь, ушел.

Северьян думал о том, что остарел и как-то совсем незаметно остался в Гуляеве один. Со стариками, которых снесли на погост.

Если б Гришка был здесь — другое дело. А так придет парню к разбитому корыту. А что Гришка придет, Северьян не сомневался. Он ничего не слышал о сыне уже несколько лет. И не получал от него писем, а только переводы на две десятки в месяц. И все-таки не сомневался, что он в конце концов вернется. Не жить, не-ет. Жить сюда теперь-то калачом не заманишь. Просто так, проведать. Может, заберет поближе к себе куда.

Он не представлял, как покинет обжитое место. Но ему было приятно думать, что Гришка может приехать и забрать его.

Эти мысли назойливо возвращались всякой весной, когда багульник выкрашивал склоны лиловыми, а в низинах стояли грязные лужи.

Ночами Северьян вслушивался в грохот полой воды. Она летела мимо, и валуда дерева, и срывала с них кору, заваливая берега белыми, как кости, стволами. Летом солнце высушивало их до блестящего блеска, а вода спадала, обнажая песчаные отмели и галечные плесы. Раз в

неделю по реке проносился красно-белый почтовый глассер. Когда он вдруг выпрыгивал из-за поворота и, разбрасывая радужную пыль, проскакивал мимо, Северьян был уже на берегу. В такие дни он торчал на берегу с самого утра. Когда доносился грохот скрытого излучинного глассера, он неуклюже поднимался на ноги и стоял, нетерпеливо дожидаясь его.

Он стоял на теплой гальке почти у самой воды — маленький, широкий, в грязной исподней рубахе и стареньких солдатских штанах, застегнутых на единственную пуговицу у пояса. Ветер сворачивал набок бороду и трепал вокруг деревянной колотушки штанину. И черная, кривая на один глаз дровяная, с вислой шерстью и рыжими подчалинами на боках, отряхивалась и тоже стояла рядом, почти вплотную к деревяшке, опустив усаженный релями хвост и приподняв морду.

Они смотрели, как глассер пролетал мимо и как таяла след за ним серебристая пыль и волны, оставленные им, с шорохом накатывались на берег. Этот глассер привозил старику переводы. Раз в месяц. Но Северьян ждал не их. А больше глассер ничего ему не привозил. И единственный раз в месяц, когда привозил переводы, останавливался возле гуляевского берега. И все-таки Северьян постоянно встречал его на галечном, перемешанном с песком плесе, горячем от солнца и хрустком, как весенний лед.

А потом он копался на ороженных жердях градахи или уходил в тайгу, прихватив старенькое ружьишко и безрезультатно тусовал.

В июне прошлого года Северьян на шитике ушел к устью Тетюхи. Так, ни речка, ни ручей. Морока одна. Но рыбная — беда. Он ушел туда спозаранку, а когда в середине дня собрался домой, ему показалось, что по Лене прошел глассер.

Вначале он подумал, что это не может быть глассер, потому что день неурочный, и еще о том, что, вероятно, принял за шум глассерного мотора пролетевший где-то аэроплан. В последний год летали они здесь часто. Особенно летом. Зеленые, как стрекозы. И Северьян подумал, что это снова был аэроплан. Но потом, когда увидел водку приборного лозняка Тетюхи заброшенные волной с Лены-реки радужные пятна соларики, сообразил, что это все-таки был глассер. И подумал, что впервые за многие годы не встретил его, потому что он проскокнул на день раньше и что в конце концов это все равно ничего не меняет.

Северьян размеренно отталкивался шестом, а на дне шитика, где отстоялась ржавая вода, судорожно вздрагивали серебристо-голубые, будто примороженные хариусы и ельцы.

Берег скользил назад, песчаный и низкий в этом месте. И вдоль него громоздились обглоданные водой заломы, переплетенные длинными стеблями таежных цветов. Когда раздвинулся гуляевский плес и за ним показались залитые желтым солнцем остатки церкви, изб и заборов, Северьян вдруг услышал надрынный собачий лай. Он не помнил уже, когда его слышал. И Северьян даже не сразу сообразил, что это лает Медведка, так неожиданно для него это было.

Он торопливо подогнал шитик и, увязая деревяшкой в мокром песке, выволок его на берег. Потом он, подпрыгивая, бежал к дому, а лай, хриплый и прерывистый, буд-то кашель, слышался все громче и неистовей.

Северьян перекинулся через жерди и огородам добрался до избы. Он обогнул ее и вышел к просевшему крыльцу. Прижавшись задом к двери и яростно ощерясь, лаял Медведка. Шерсть на загривке стояла дыбом. В нескольких шагах от него...

Северьян вдруг выронил палку, которую прихватил по пути.

Гришка, — сказал он и почувствовал, как перехватило горло. Он зачем-то вытер ладони о штаны и захромал навстречу. — Гришка-а...

Северьян ткнулся лицом в грудь сыну и уловил приоткрытый запах одеколона, табака и еще чего-то незнакомого. «Городского», — подумал Северьян и закашлялся.

— Здравствуй-ка, — сказал он, отодвигаясь. Было неловко, как перед большим начальством: усадить некуда и потчевать нечем. И это рассердило его.

— Отожрался. Рожка красная, хоть прикуривай, Гришка хохотнул.

— Вот, — сказал он, — новость твоя, — и подтолкнул незнакомую бабу.

Северьян еще и раньше заметил ее и подумал, что это новость. А теперь посмотрел и сразу увидел все: двойной подбородок, морщинки в уголках подведенных глаз и зеленое с белым шелковое платье в цветочек. Оно было без рукавов и грудь обтянуло так, что только лопнуть.

«Ишь, выставилась», — подумал Северьян.

— Феня, — сказала новость и протянула руку. — Очень приятно.

— Ну и ладно, — сказал Северьян и вдруг застеснялся своей грязной рубахи и замызганных штанов с залатанными коленками.

— Пошли в избу, — позвал он и покосился на серенький Гришкин костюм. «Ничо, ладно, однако, живут».

Медведка сошел с крыльца и недобро оскалился вслед Фене.

— Ну вот, — сказал Северьян. — Располагайтесь. Я счас.

Он вернулся к шитику и побросал в ведро спнух хариусов. Потом шел стогодом, и у него было приподнятое настроение. Как раньше на пасу или на Первое мая. Давно, когда была еще деревня Гуляеве и старики ходили в праздники из избы в избу пьяные и веселые, горлая песни.

И Северьян подумал, что надо бы к такому случаю заранее припасти водочки, а теперь уже все одно не сумею. У крыльца он бросил Медведке пару хариусов и весело затопал по ступенькам.

За обедом Гришка сказал: — А хорошая деревня была. И чего не жилось им? — А тебе чево? — У меня после армии специальность. Не для здешних мест.

— Ага, у тебя ум, а у других портянка, — сказал Северьян и покосился на Феню. — У парней специальность, а девки в христовы новости, что ли? Хитрый какой.

— Я человек такой, — сказала Феня. — Меня бы здесь ничем не удержали.

— Она без мужиков не может, — сказал Гришка и захохотал, показывая зубы. — Она за ними — в космос.

Феня фыркнула. Шеки у нее дрожали, будто от озноба, и вся она тряслась так, что на столе звякала посуда. Медведка поднял уши и недобро зарычал на нее, отворачивая морду.

У Гришки в сумке была припасена водка, и все выпили. Северьяна разморило. Он постукал под столом деревяшкой, и глазки его осовело смотрели сквозь нечесаную щетину:

Салаватальничка — матушка моя, Утром рано распахнула меня. Я-ей-и...

— Ладна была деревня, да кончилась, — сказал он. — Здесь вон нынче тоже вышек понатыкали. Понихать маленько.

— Буровики это.

— А леший их знает. Колупают чево-то. Все реку насквозь мазуют позизадили, ровно твой вончий Усть-Кут.

— А чего вончий? Приедешь — понравится, — сказал Гришка. — С пацаном будешь возиться. По-стариковски.

жизнь, которая казалась ему сейчас такой же синевой и стертой, как все вокруг. Вся прошлая жизнь. А какой будет новая, он не знал. И поэтому ее не было для него тоже. Будто он вдруг оказался между вчера и завтра, а сегодня не было.

Когда позже Северьян шел к избе и смотрел на остатки колокольни и сосновые черные кресты, разбросанные возле нее, ему все еще казалось, что он идет где-то в этом межвременье. И только непонятная возня и собачий рык, которые доносились из дому, вывели его из этого состояния. Северьян остановился у крыльца в тот момент, когда дверь распахнулась и Медведка с визгом выкатился к нему под ноги.

— Эй-эй! — закричал Северьян и сердито застучал колотушкой по ступеням. — Чего тебе кобель помешал? — Да ты смотри.

Феня зажимала пальцами прокушенную руку, и у нее было набухшее слезами лицо.

— Шаги ей ступить не дает.

— Только собрать кое-что хотела, — сказала она.

Северьян увидел растеленное на полу одеяло, уложенные на него подушки, выщербленные тарелки, ложки и деревянную рамку, залепленную желтыми фотографиями.

— Ну да, — сказал он. — Собрать... — И опять ему показалось, что он забыл что-то важное. И он испугался, что уедет отсюда, а потом уже будет поздно, что если не вспомнит сейчас, то потом уже будет не нужно. А теперь это просто необходимо — вспомнить и сказать. Это было, как сон, который оставил после пробуждения дурное настроение и подавленность, а сам забился настолько, буд-то бы его и не было.

И Северьян сползая из угла в угол, спотыкаясь о вытасченные на середину ненужные вещи и тряпки, которых оказалось на удивление много в его полупустой хибарке.

— Вы не мешались бы под ногами, — сказала Феня. — Вышли бы отсюда.

И он снова бродил по двору и заглядывал в разные щели и укромные уголки, пытаясь отыскать Медведку. Но его нигде не было, и Северьян снова вернулся в дом.

— Слышь-ка, Гришка, Медведка-то пропала, — сказал он, останавливаясь в дверях и оглядывая обширную, будто чужую комнату.

— Ну и шут с ним. Феня подняла лицо: — Сдох, что ли? — Убег.

— На что он вам? — сказала Феня.

— Так что живая душа, — робко заметил Северьян.

— А пропади он, — Гришка затыкал веревкой узы, и Северьян видел его красную, вздувшуюся жилами шею и круглый затылок, мелко выстриженный машинкой. — Тут буровики в двух километрах улицы ставят — убежит к ним. Не сдохнет.

Потом они вытащили узы на улицу и, когда за излучинной затархтел мотор, поволкли их к берегу.

— Давайте быстро, — торопила Феня. — Ждать не станет, небось, а потом торчи тут еще неделю. Время денежек стоит. — Она таскала самый большой узел. Платье врезалось и черно запотело под мышками.

Когда глассер остановился, водитель, откинув дверцу, закричал: «Живенько!», — они по мелководью добрались до него. Феня закинула ношу и полезла на борт. Гришка подсаживал ее и торопил, ему в глаза просачивалась вода. Северьян стоял и смотрел на гуляевский берег.

— Давай, давай по-быстрому, — шипел Гришка. — Ты хоть помоги же, что ли.

Северьян положил на палубу узелок и снова посмотрел на берег. Медведка выполз откуда-то и теперь стоял у самой воды. На том самом месте, где она с Северьяном обычно встречала глассер. Наверно, его выгнал из убежища знакомый звук глассерного мотора, и он пришел сюда, поджидая перебитую Гришкой ногу, как приходил многие годы до этого. И неподвижно стоял, приглядывая вислоухую морду и глядя на Северьяна единственным слезящимся глазом. Отсюда Северьян не мог видеть ни его глаз, ни ртевец, застрявших в клочковатой и вылинявшей шерсти, но ему казалось, что он видит их, потому что он знал все это слишком хорошо и помнил Медведку еще щенком, когда Гришка притащил его откуда-то. И Северьян вдруг снял с палубы свой узелок, на котором все еще держал руку, и пошел к берегу, поднимая брызги и не оглядываясь.

— Да ты что, сдурел, что ли! — Северьян слышал, как Гришка шлепает сади сапогами.

— Куда это он, Гриша? Расхотел? Ну и пусть расхотел, не кланяйся ему.

ПОЭТЫ НАЧАЛА ХХ ВЕКА

В «Библиотеке поэта», хорошо знакомой нашему читателю, подготовлен к изданию сборник «Поэты начала XX века». В него вошли наиболее значительные стихи двенадцати поэтов, творческая деятельность которых в основном укладывается в указанный период. Это К. Бальмонт, Ф. Сологуб, И. Анненский, Вяч. Иванов, Андрей Белый, М. Волошин, М. Кузмин, Н. Гумилев, О. Мандельштам, В. Ходасевич и Н. Клюев.

Приводим несколько стихотворений из сборника. Стихи К. Бальмонта, Вяч. Иванова и В. Ходасевича, которые мы публикуем сегодня, в советской печати появляются впервые. Стихи Ф. Сологуба и М. Кузмина публикуются вообще в первый раз. Стихотворение Н. Гумилева взято из его сборника «Чужое небо» (1912).

Константин БАЛЬМОНТ
Только
Ни радости цветистого Каира,
Где по ночам напевен муззин, —
Ни Ява, где живет среди рини,
В Воро-Вудур, Светильник Великий
мира,—
Ни Венарес, где грозного пира
Желает Индра, где огнистый клин
Средь тучных лазоревых долин, —
Ни все места, где пела счастью
пира,—
Ни Венарес, где грозного пира
Желает Индра, где огнистый клин
Средь тучных лазоревых долин, —
Ни все места, где пела счастью
пира,—
Ни Рим, где слава дней еще жива,
Ни имена, чей святой звук — улады,
Тень Мекки, и Дамаска, и Багдада, —
Мне не поют заветные слова,
И мне в Париже ничего не надо,
Одно лишь слово нужно мне:
Москва.
ПАРИЖ
15 октября 1920.

Федор СОЛОГУБ
Нам темный глаз печально слеп,
И только плоскость нам знакома.
Наш мир широкий — только sklep
В подвале творческого дома.
No ми предчувствием живем.
Не лгут порывы и усилья.
Настанет срок — и обретем
Несущие к свободе крылья.
19 февраля 1923.

Михаил КУЗМИН
Переселенцы
Чужое солнце за чужим болотом
Немного садится на насест,
А завтра вновь самодержавие
встанет,
Не наказуя, не благоволя.
Как ваши руки, Молли, погубили,
Как опустился ваш веселый Дик,
Как так забавно толковал о боксе,
Когда вы ехали на пакетеботе.
Скорей в барак! Дыханье малярии
С сиреневыми сумерками ходит
По свидельству М. Кузмина, это стихотворение, говорящее о первых переселенцах из Англии в США, было навеяно некоторыми страницами романа Ч. Диккенса «Мартин Чезллит».

Вячеслав ИВАНОВ
Из «Ринского
дневника»
«У лукоморья дуб зеленый...»
Он над пучиною соленой
Певцом посажен при луке,
Растет в молве укоренный,
Укоренный в языке.
И небилецка билую станет,
Коль певец ее помянет,
Коль имя ей умел наречь,
Отступит море, — дуб не вянет,
Пока жива родная речь,
РИМ
27 января 1944

Н. ГУМИЛЕВ
Из «Абиссинских
несен»
Неваляничья
По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичом.
Он садится под тенью пальмы,
Обвернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собою бутылку виски
И плещет ленивцами рабов.
Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стирать его мулов,
А вечером есть солонину,
Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину европейцу:
У него такая дальнобойная ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич!
Слава нашему хозяину европейцу,
Он храбр, но он недогадлив:
У него такое нежное тело, —
У его сладко будет прозвизг ножом!
1911

Владислав ХОДАСЕВИЧ
Живи бо! Умел, а не заумен,
Брому среди своих стихов,
Как непобедимый игумен
Среди смиранных чернецов.
Пасу послушное стадо
Я процветанию жезлом,
Ключи таинственного сада
Звенят на поясе моем.
Я — чающий и говорящий,
Заумно, может быть, поет
Лычч ангел, богу предстоящий,
Да бога не удержит скот
Мичч звуком и ревет,
А я — не вынул осиянный,
Не лютый змий, не глупый бык,
Люблю из рода в род имя данный
Мой человеческий взик:
Его суровую свободу,
Его извильный закон...
О, если б мой предсмертный стои
Облечь в отчетливую оду!
БЕРЛИН
13 мая 1923

Публикацию стихотворения составили В. Н. ОРЛОВ

КИНОСТУДИИ В ЮБИЛЕЙНОМ ГОДУ

«ПАРОЛЬ НЕ НУЖЕН»

Человека на этом снимке знают в захваченном бе...
логардскими Владивостоке как королеву Чена. Малчик спекулянт, завсегдатай биржи, он первый узнает и сенсационные новости, и мелкие сплетни.
Вечером Чен возвращается...

ся домой, в третьеразрядную гостиницу, аккуратно вешает на плечики и прикрывает марлей единственный костюм, прячет в тайник заработанные деньги — это для партийной кассы. Себе он позволяет взять лишь несколько монет: на чашку риса и кусок мяса хватает.
Идет пятый год революции...

Чен, а на самом деле чекист Марейнис, коммунист, соратник Постышева и Блюхера — один из героев нового фильма Студии имени Горького «Пароль не нужен». Эту роль играет Василий Лановый. Фильм, посвященный становлению Советской власти на Дальнем Востоке, снимает по сценарию Ю. Семенова режиссер Б. Григорьев.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ОБ ЭКРАНИЗАЦИЯХ

ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДИНИЙ

САМОКРИТИКА
ПРОВИНЦИИ

В. ТУРБИН

ВСЕ переэкранизировали, кажется. А впрочем, не все: пока — только прозу. Но когда прозу XIX столетия переэкранизируют совсем, подчасную, придется, надо полагать, за лирику. Выхожу один я на дорогу; Свечу туман кремнистый путь блестит; Ночь тиха. В кадре — небольшой домик. Наезд. Средний план: дверь дома. Комната. Перебивка: человек в комнате; на нем — мундир Нижегородского драгунского полка. Человек что-то пишет. Отложил перо. Смотрит в окно. Приняв какое-то решение, он натягивает сапоги. Перебивка: снова дверь. Дверь открывается, незнакомец выходит из дому. Он идет по дороге; крупный план: сапоги — хруп-хруп. Общий план: уходящая вдаль дорога. Подсвет: дорога блистает. Человек идет по дороге, хруп да хруп... Кошущая? Конечно, кошущая. Только не кошущая, сватоватая — не я. Они, кто они? А я не знаю, кто. Какие-то трансцендентные силы. Могущественные, как стихия. Неотаритимые, как рок древних. Перед их лицом я бессилён — ничего не могу...

На роль какой-то исторической мелочи: ковошущие куры, подслеповатые домики у косягора, а на заднем плане — храмы, храмы, храмы. И идоты. Чем больше, тем лучше. Идоты в распах. В мундирах. В чуйках и, наконец, идоты просто в исподнем — поносить, топтать провинцию, подгадывать провинцию осмеянно стало устойчивой нравственной нормой, безусловным каноном. Мы словно бы мстим провинции за что-то, мстим торопливо и спешно. И создавая заштампованность экранного образа провинции, вида, что в общедоме оно уже исчерпан, мы все равно будем и будем тащить провинцию на экраны. С покосившимися домами. С курами (а не куры, так ишак — режиссерская находка) на улицах.

ЕЩЕ ОДНА новинка — фильм Иосифа Хейфица «В городе С». Образ провинции здесь выявлен окончательно. Он обрел своеобразную мощь. «Ионичем» не ограничилось, прибавил к другим рассказам Чехова — нетрудно заметить, что давно уже появился особый тип экранизации: экранизация-винегрет, экранизация, так сказать, комплексная. Сергей Колосов отважно апел в новеллу «Душечка» сюжет из юношеской юморески Чехова «О женщинах, женщинах». Иосиф Хейфиц шагнул еще дальше, и даже утер Пришибеев на экране молькулы: топчутся на улице народ, поет песни, а он безмолвно разгоняет поющих. Потянулась вереница наивнейших кинометафоров: например, наглухо закрываемые окна — символ отгороженности провинциального мира от мира другого, от провинциального. Словом, провинция. Ее берут из Лермонтова и Достоевского, из Островского и Чехова...

Нормы, несомненно, какие-то правила, эстетические ориентиры — не открытая никем теория экранизации. Получается же иногда, редко, но получается. «Тени забытых предков» Сергея Параджанова — тоже экранизация; экранизация повести М. Коцюбинского. Экранизация точная, ледяная даже; там есть все, что есть у Коцюбинского, ни прибавить, ни убавить. О фильме толковали по-разному. Иногда судья его оборачивался трагически — критике, терпеливые зрители, незлобивое сношение пространств двухуровневых худпроизведений, здесь не объяснимы: взаржались; подчас фильм шел под их гогот и улюлюканье. Украинские крестьяне на Карпатах смотрели фильм как что-то свое, и для них он был явлением искусства глумового народного. Критика, недружная наша критика, тоже приняла его с редким единодушием, оценке положительно. Почему так? Неспоста, очевидно.

Речь не о том, какой из фильмов-экранизаций лучше, какой хуже. Думается, ясно, что судельско-волжские фильмы Волнова, поставленные по Островскому и Достоевскому, — все-таки нечто, содержащее в себе искания, эксперимент, дерзость какую-то; ясно и то, что «Метель» Басова или строго выдержанный в рамках миропонимания юнкера Грушинского «Герой нашего времени» Станислава Ростомов — красивые феерии с крестным ходом в одном случае, с джигитовкой в другом... И ничего больше.

Психологическая и нравственная база адаптации — благоговение. Рабопле, ежелья говорить до конца. Страх. Боязнь увидеть в Чехове и Достоевском равных себе людей, друзей, с которыми спорят. Полностью свободный от подобного рабопле, Всеволод Мейерхольд, несмотря на растущее почтение к нему, кажется чудовищно «чужим» он делал. Он же искажал, искажал, искажал. Воспроизвел не что иное, как роман. Он открывал в классике современное и в современном — классическое. Он шел на спор с Гоголем и Грибоедовым, прекрасно знал: истина по природе своей беспоконна, она не только рождается в спорах, но, более того, только в спорах и может жить. И он спорил. Не только со своими зрителями, благодарными, равнодушными или пришедшими в театр для того, чтобы осчастливиться. Не только с великим Станиславским, С Гоголем, с Грибоедовым — с самим Гоголем и с самим Грибоедовым! Параджанов и Курсова тоже отделились на спор. И у них получилось. И создали они нечто, принципиально адаптированное по подобию, их ленты антиадаптационны, в этом все дело.

ПОДАВЛЯЮЩЕЕ большинство экранизаций — фильмы о провинции. Провинция стала их генеральной темой, и показывать провинцию — русскую провинцию XIX столетия — научились виртуозно, изощренно, словно наперевобит стремись исчерпать тему, прозвучит о несчастной провинции последнее слово, окончательное суждение. «Герой нашего времени» вышел на экраны только что и... И именно здесь произошло нечто, максимально приближенное к предложенной мной раскларовке сути явления: «Выхожу один я на дорогу...» И поплыл на Печорин, конечно, а Грушинский, Грушинский, который добился-таки своего: отомстил Печорину за его непонятность, вытеснил, выжил его и раскларовал другими кратко повелел нам многословно, поминутно всплескивая руками. То зальвывая возрастественным хохотом, то задумчиво вперяя зорь вальд, то... Он был позер, Грушинский.

Именно здесь произошло нечто, максимально приближенное к предложенной мной раскларовке сути явления: «Выхожу один я на дорогу...» И поплыл на Печорин, конечно, а Грушинский, Грушинский, который добился-таки своего: отомстил Печорину за его непонятность, вытеснил, выжил его и раскларовал другими кратко повелел нам многословно, поминутно всплескивая руками. То зальвывая возрастественным хохотом, то задумчиво вперяя зорь вальд, то... Он был позер, Грушинский.

ПРОВИНЦИИ нужна однозначность, однозначности, которую и поставляют нам иные экранизации: «Лермонтов» показал лишнее человека, «Чехов» обличил пошлость. Воспроизвести на экран некое более сложное кино не всегда может (это уже пострашнее) не всегда может... Перед осем спорным оно порой отступает: джигитовка устат молодых, жеманство блы и спазматический хохот назвавшегося Печориним Грушинского — это ясное, чем какая-то там философская полемика. Полемика Лермонтова с Пушкиным, скжем.

Но изображение провинции в фильме полноты, и владелицаские его кадры — своего рода классика. Серьезно, отличные же кадры: толь града, обширпая почтовая станция, какая-то дождевая свержка и ишак поперек тротуара. Удача беспорная. Правда, эффект ее скрывается оттого, что и у других вде не хуже... Кинокадраф не только научился изображать быт старой провинции, но и полюбил, страстно, маньячально полюбил изображать ее и в последние годы стал изображать ее с угрюмым постоянством, с мстительным и злорадным чувством, будто сводя с нею, с провинцией, какие-то потянные счеы.

Итак, фильм за фильмом выплескивается на экраны провинция. Но что же такое провинция в конце-то концов? С чего она начинается? Бездательность? Узость интересов? Отсталость? Вряд ли. Провинция может кипеть деятельностью, быть в курсе новинки — следить за журналами, вытывать в перипетии их кипучей (и иногда нелюпой, по-моему) борьбы. Какая ут отсталости? Все никак у людей! И провинция — это не только сиешио. Это трагично. Сложный в своих внутренних противоречиях, блистающий сенсациями, протрасионный, завлекающий и ошарашивающий XX век, наряду со всем сверхающим и блистающим, поминутно рождает и... провинцию. Провинциальное мышление. Мышление не концепциями, а отголосками их. Мышление тенями концепций. Их суррогатами. Выжиками из них, адаптациями. И провинция — всюду, где адаптация становится преобладающей формой мышления.

Да, это задачи неразрешимые чисто эстетически: как ввести в роман Лермонтова слово бы спрятанный в нем, вложенный в него роман Пушкина, с которым он спорит? Как показать, что Лермонтов опонирует своему великому учителю? Легенда о опонирователю мне — опасный вздор. В ряде случаев кино не может того, что легко доступно поэзии: принимаясь яэбы переводить «дем поэзии на язык кино, мы на самом деле переводим их на язык провинции. Но это проблемы теории искусства, вопросы эстетики. А не об эстетике речь. Скорее — об этике. О неумолимом смехе над жалкими провинциалами, которые, видите ли, были уж такими плохими, такими плохими...

Слагается, например, «суздальская серия». «Суздальская серия» — это фильм о прошлом, отсылая в Суздаль. Почему выбор пал на Суздаль, я не знаю, но именно этот красивый русский город стал олицетворять «извудную глушь» и всякого рода эскинцовые мерзости прошлого. В Суздалье пропала свою звучную тревожную пасию бутафорские канонические выюги из «Метели» Владимира Басова; в Суздалье развернулась свадебная феерия «Женитьбы Балзавиной» Константина Волнова; в Суздалье проскучала, протомилась у окошка, а заодно пропалапла во сне соблазнительный канкан Ольга Семенова, Оленька, дучешка — человек сложнейшей судьбы в рассказе Чехова, а в телевизионном фильме Сергея Колосова — лустенькая дамочка, которая день-денский глазела на улицу и праздности ради ловила мух.

Провинция — это не куры на насте и не ишак на тротуаре. Она — не вене человека, а в нем, в нем самом. Она везде, где адаптируется великие. Мы научились показывать человека в провинции. Но провинция в человеке, ве-то научились ли мы показывать? Нет. Она остается, потому что новая истина, новая научная вера нембежно, едва ли не с колыбели, приходит к нам в виде уже адаптированного кем-то орышка, через посредников: прежде, например, чем приступить и освоению хитроумной диалектики дарвинизма, любой из нас уже твердо знал, что человек произошел от обезьяны. Роль адаптированной истины двойственна: она вводит нас в знание, но она же преграждает путь к нему.

Знаменательный процесс идет — процесс самокритики провинции. Ее нравственного самоощищения. Но вот в экранизациях есть, несомненно, половичность, робость и, по-моему, какая-то логическая ошибка: провинцию критикуют как образ жизни, в не как образ мышления; и неустанно продолжают критиковать ее, так сказать, тематически, продолжают насаждать ее духовно.

НЕЛИЦЕПРИЯТНЫЙ
РАЗГОВОР
СО ЗРИТЕЛЕМ
ОБ ОДНОМ
ЗАРУБЕЖНОМ ФИЛЬМЕ

«КОРОЛЕВА»
РОДНАЯ
И БЛИЗКАЯ

Виктор ОРЛОВ

НАЖИВНЫЙ раз на этом самом месте... Стоит прокляту расклариться и выстрелить на экраны заграничному «малышечку» — супробовки, где мысли обрательно пропорциональны мускулам, закрученными детвяти или рево со стриптизом, дозволенным к показу детям после шестнадцати, — как начинается одно и то же. Критика, воспитанная на лучших образцах искусства и к лучшим образцам призывающая, захлебывается от негодования. При этом, однако, происходит некоторое выглавление чувства юмора и забвение той истины, что не каждый фильм должен быть философским трактатом. Пишутся ядовитые фелетоны и зубодробительные эссе.

В ответ на критику плохого фильма «Улица Ньютона, дом № 1» студентка из Ростова писала мне: «На троитье нашего Тимочку! В ответ на фелетон о «Неизвестной женщине» моего коллега Андрей Зоркому писал: «Пошла! Что вы знаете о душе женщины? Какой женщины, помилуйте! Ведь разговор идет, строга говоря, о душах пары мужчин — непрофессиональных, психих сценаристов...»

Вот теперь вернемся к тому, о чем говорим. К тому, что экраничные истории и экраничные герои нужно судить по законам искусства. Мы уже говорили о бескрылости ремесленного сценария, о схематичности образа главной героини. Симпатичный наш корреспондент Толя Шелков пишет о «богатых и красивых пейзажах». Нет, Толя, они не богаты. Они алпаюты.

Определенная часть читателя, очевидно, сердобольная и привывшая к судьбе «неизвестной женщины» или «королевы» «Шантеклар», как свою собственную, не оставляет в дульду. Студент и горестно читает письма в разгар полемик о каких-нибудь «Черных очках» или «Королевы» «Шантеклар». Студент потому, что те слова, что употребляют иные читатели по адресу критиков, редко услышишь даже на последней площадке трамвая. Горестно потому, что жалко страстей — колевачный и назваться вить за честь «королевы» не вспомнит не только своих слов, но и самой судьбы «королевы». Любая дешевка исчезает быстрее запаха бензина. В этом — один из спазматических сводов человеческой памяти.

Вот эту зрительскую доброту, доброту сопереживания нам, критикам, нужно понять и, может быть, не судить так строго. Этой добротой, кстати, воюсо пользуются плохие режиссеры и сценаристы, начиная с «запрещенные приемы», эксплуатируя особо сентиментальные ситуации со слезами и объятиями, разбитыми грезами, благородными потаскушками и бедными любимыми мамками. И об этом нам нужно сказать зрительско-интересованно и участвовало — о том, что ему порой подсывают второсортное искусство, а вместе с ним и свое видение жизни...

Весь арсенал художественных приемов фильма «Королева Шантеклар» — это арсенал приемов самого «Шантеклар». Так он беззастенчиво в своей пышности, так пошващиски угодлив к богачеству снимаемых «полюв», так беспомощен в оформлении эстрадных номеров.

Передо мной — письмо-решения читателя В. Богуславского «Даше королевы» («Литературная газета», № 8). Решения ледяная, остроумная, вполне определенная по неприятию фильма и всех его идейных и художественных качеств. И передо мной — лачка ответных писем читателей. Учитель В. Корчагин, напротив, находит в фильме «и мысли, и веселье, и проблемы». Студент Толя Шелков, отмечая ючен слабое содержание» фильма, тут же пишет, что, пойдя на фильм, «получил, чего хотел». Чего же хотел Толя? «богатые и красивые пейзажи красавицы природы (соблюдено Толлну пунктуацию. — В. О.) все, это доставляет большое удовольствие для человека, который любит прекрасное». Пенсионер А. Фрейман считает картину «глубоко историческим фильмом времен империалистической войны» и, кроме того, замечает: «А ведь здорово показан нект олцы не мол в Сан-Себастьяне!»

Значит, в наших полемиках есть по крайней мере два просчета. Просчет критиков, то ли крайности оценки, то ли бездоказательность тона обидевших друга-зрителя. Просчет зоиателя, не поверившего другу-критику и враждебно принявшего каждое его слово.

Вот так далеко, Толя. Если ты хочешь посмотреть красивую природу, посмотри чудесные видовые фильмы. Красивых женщин — ты и увидишь в настоящих произведениях, повествующих прежде всего о красивой душе, а не о бедрах. И если ты уж все-таки задумался, почему тебе нравятся фильмы с «очень слабым содержанием», внимательно прислушайся к мнению эстетически более развитых озабоченней. Тога же В. Богуславского, который очень тамперламентно выразил свое мнение о «королеве».

«ДЕНЬ СОЛНЦА И ДОЖДА»...Один день двух подростков. Казалось бы, в теплые дни — совсем обычненький, но в то же время особенный. Особенный потому, что сразу столько открылось гордым и скрытым, мальчишеским душам.

«День солнца и дождя» — так называется сценарий Э. Радзиского, по которому снимается картина на «Ленфильме». Надо сказать, что в фильме нет завлекательных приключений, свойственных именно «детскому» кино. Автор

Кстати, ты не задумывался, почему киноркритики никогда не позволяют себе с высокомерием отзываться о твоих, очень важных курсовых работах в институте, а многие твои коллеги с прямотой неприличным озлобленными шутят о критических статьях по кино, если они им не понравятся? Я не имею в виду именно тебя...

КИНОСТУДИИ В ЮБИЛЕЙНОМ ГОДУ

«СОЛДАТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ»

«Вперед был Сталинград, так и не взятый до конца немцами, а теперь уже шесть недель окружены шестью немцами».

«ДЕНЬ СОЛНЦА И ДОЖДА»

«День солнца и дождя» — так называется сценарий Э. Радзиского, по которому снимается картина на «Ленфильме».

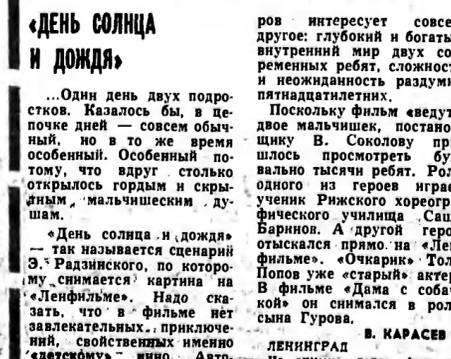
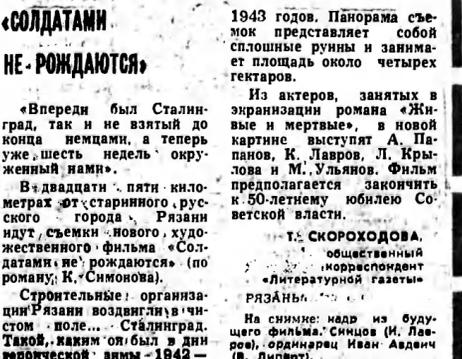
«СОЛДАТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ»

1943 годов. Панорама съемки представляет собой сплошные руины и занимает площадь около четырех гектаров.

«ДЕНЬ СОЛНЦА И ДОЖДА»

«День солнца и дождя» — так называется сценарий Э. Радзиского, по которому снимается картина на «Ленфильме».

КИНОСТУДИИ В ЮБИЛЕЙНОМ ГОДУ

СЕМЬ ДНЕЙ В МАРТЕ...

пульс недели... пульс недели... пульс недели... пульс недели... пульс недели... пульс недели... пульс недели...

«ЯСТРЕБЫ» НЕРВНИЧАЮТ

Стало уже почти шаблоном, что комментаторы в эти дни начинают свои обзоры с весны и цветов. Иной комментарий издала на днях буддийская газета «Ван Аи». В Турине распустившись нынче розы, а

во Вьетнаме — кровь и смерть... Так начинается стихотворение, которое он написал в Турине, во время похода протеста против американской агрессии во Вьетнаме. Поход закончился 10-тысячным митингом, на котором итальянский пастор Винья сказал: «Во Вьетнаме люди умирают за нас точно так же, как умирали партизаны в наших горах». Люди самых различных взглядов на минувшей неде-

ле выразили свою солидарность с борющимися вьетнамским народом, свой протест против агрессии. Эта волна возмущения, прокатившаяся по всему миру, достигла и Белого дома. Вначале инные наблюдатели удивлялись: почему Джонсон придает столь большое значение сообщению со своими военачальниками и марionетками из Сайгона, которое состоялось в начале нынешней недели на острове Гуам?

Ответ дала «Вашингтон пост»: «Подлинной подоплекой совещания на Гуаме, который находится далеко от Вьетнама, является политическое положение здесь, на родине. Центральный факт заключается в том, что стране не нравится вьетнамская война; она не нравится все больше по мере того, как тянется». В самом деле, хорошо известно, какой отклик в США встретили резкие выступле-

ния Р. Кеннеди и Фулбрайта против американской политики в Индокитае. Обозреватели отмечают отчаянные попытки Вашингтона «отвлечь внимание» общественного мнения от сделанных Кеннеди и Фулбрайтом разоблачений. Истериические крики продолжают звучать. Американский генерал К. Лимэй на пресс-конференции потребовал усилить налеты на ДРВ и «уничтожить там все, что представляет какую-либо ценность».

Нервозность «ястребов» понятна. Ее причину раскрыл английский историк Тойби в недавнем интервью газете «Нью-Йорк таймс»: «На счастие, что Соединенные Штаты выигрывают, оставаясь во Вьетнаме. Вы ставитесь там только с твердой решимостью незападных народов не допускать больше господства Запада». И это сводит коварного ума.

В. СВЕТОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ
№ 12
АЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

КОНТАКТЫ ЛИТЕРАТОРОВ

На днях в Москву прибыла делегация чехословацких писателей в составе первого секретаря Союза писателей Словакии Войтеха Мигалика и члена руководства Союза чехословацких писателей Иржи Купки. Чехословацкие литераторы вместе с секретарями правления Союза писателей СССР Г. Марковым, К. Воронковым, А. Лупаном, М. Турсун-заде и главным редактором журнала «Вопросы литературы» В. Озеровым обсудили план сотрудничества между союзами писателей двух стран на 1967 год.

16 марта В. Мигаликом и Г. Марковым было подписано соглашение о сотрудничестве между союзами писателей СССР и Чехословакии на 1967 год, которое предусматривает взаимные поездки писателей, проведение фестивалей поэзии, творческих дискуссий, обмен сотрудниками литературных изданий.

20 марта в Москве было подписано соглашение о сотрудничестве писательских организаций Советского Союза и Монголии. От имени Союза писателей СССР соглашение подписал секретарь правления СП СССР Г. Марков, от имени Союза писателей

МНР — председатель союза С. Удалал. При подписании присутствовали член Союза писателей МНР Б. Дашдэрэн, секретари правления СП СССР К. Воронков, А. Лупан.

Пять дней гостила в Ленинграде группа финских писателей, приезжавших в нашу страну для участия в симпозиуме по проблемам современного драматургии. Это уже третья добрососедская встреча советских и финских литераторов. В числе гостей были драматурги, критики, поэты Лейна Вуристо, Майя Ларин, Густав Нюланд Раймо Пелтонен, Вяйне Ярнер, Ласси Нумми, Лаури Кюнккюнен, Рейно Лахтинен, Пааво Ринтала. Возглавлял группу председатель Союза писателей Финляндии Марти Ларин.

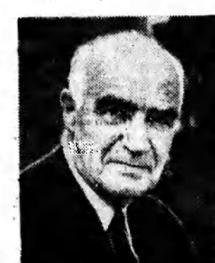
Финские гости познакомились с городом, встретились с ленинградскими драматургами и театральными критиками. Наш корр. ЛЕНИНГРАД

В Риме проходила сессия исполнительного комитета Европейского сообщества писателей (ЕСП). От советских литераторов в ней принимали участие вице-президент общества А. Твардовский, представитель СССР в руководящем совете сообщества И. Аббазидзе, руководитель советской секции ЕСП А. Сурков и ответственный секретарь советской секции Г. Брейтбург.

НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ, В ЭФИРЕ И НА ГОЛУБЫХ ЭКРАНАХ ИДЕТ ВОЙНА, НЕ ЗНАЮЩАЯ НИ ПЕРЕДЫШКИ, НИ ПЕРЕМИРИЙ. ЭТО ВОЙНА ИДЕЙ, ВОЙНА ЗА УМЫ И ДУШИ.

Вместо некролога Генри ЛЮС, ПРОПАГАНДИСТ АМЕРИКАНСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

На прошлой неделе из картотеки американского журнала «Таймс», именуемой самими журналистами «моргом» [поскольку здесь заготовлены некрологи на всех не почивших еще знаменитостей], был извлечен и

тиснут на типографских станках обширный рассказ о жизни, карьере и смерти Генри Робинсона Люса. Владелец четырех крупнейших американских журналов «Таймс», «Лайф», «Форчун» и «Спорт иллюстрирэд», глава огромной издательской империи, один из «лордов прессы» (последнее звание его всегда немного коробило), он считал своим изданием «демократичнее» издание английского потомственного лорда Бивербрука и американского «газетного короля» Уильяма Рэндольфа Херста.

ни гороскопов, ни язвливой сенсационности, ни откровенно злобных комментариев. Люс не стремился до крайности упрощать мысли и события, так же примитивная игра на невежество читателя не входила в планы Генри Люса, считавшего необходимым учитывать возросший интеллект читателя. Но на этом, пожалуй, и кончается «демократичность» покойного. Во всем остальном он проповедовал то же идеальное «свободного мира», что и вся «свободная пресса» вообще. Основатель «Таймс» руководствовался принципом: культурная объективность — миф. И когда его однажды спросили, почему он не излагает обе стороны дела, он, как истинный «философ» ответил: «С таким же успехом можно изложить и 30 сторон».

Люс считается создателем нового стиля в американской журналистике — так называемого «таймстайл». Вот как сам «Таймс» характеризует этот стиль: «Наглая, дерзкая манера письма, при которой преобладают удивительные прилагательные, инверсии и неологизмы».

Нечего и говорить о том, что «таймстайл», понадобился лишь как упаковочный материал, под которым трудно обнаружить довольно откровенное прославление американского образа жизни. О целях и задачах журнала «Таймс» молодые сотрудники его сказали недавно так: «Таймс» озабочен не тем, сколько новостей поместить между двумя обложками, а тем, как бы побольше печатного материала вложить в мозги читателей. Этому-то и посвятил свою жизнь Генри Люс. Нам остается добавить, что делал он это не без пользы для самого себя: если в начале карьеры, выражаясь в духе «таймстайла», Люс имел всего лишь 86 000 долларов, то теперь его «издательская империя» оценена в 690 миллионов.

«Лорд» может спать вечным спокоем: у него есть достойные преемники... В. ГЕРМАН

NEWS OF THE WORLD

Women to tell love secrets on TV

ПОЧЕМУ 16 000 000?

Шестнадцать миллионов — это тираж английской еженедельной газеты «Ньюс оф уорлд». Среди газет мира она занимает первое место по тиражу.

A GIRL TELLS OF 'SUGAR DADDY'

Такого рода «материалы» заполняют на менее пятнадцать из двадцати двух страниц газеты. Здесь и скандальные разводы, и подробности из жизни проститутки, и натуралистические детали всевозможных извращений.

DEВУШКА РАССКАЗЫВАЕТ О БОГАТОМ СОДЕРЖАТЕЛЕ

«Секрет шестнадцати миллионов раскрывается просто: чем вульгарнее газета в мире, тем выше ее тираж.

They say I've walled up my wife in this chimney

ОНИ ГОВОРЯТ, ЧТО Я ЗАМУРОВАЛ ЖЕНУ В ЭТОМ ДЫМОХОДЕ

BLUE FILMS AT A TOP HOTEL

ПОРНОГРАФИЧЕСКИЕ ФИЛЬМЫ В РОСКОШНОМ ОТЕЛЕ

— Чем вульгарнее газета...

без полемики

«ПРИМЕРЫ» РАДИО ПЕНИНА

Время от времени радио Пенина сообщает советским людям о том, какие чувства они, оказывается, испытывают в связи с культурной революцией. Вот отрывок из одной такой передачи: «Недавно наш корреспондент побывал в гостях у китайских проводников международного поезда Пенина — Москва. Они... рассказали о безграничной любви советского народа к нашему самому, самому любимому великому вождю председателю Мао Цзэ-дуну, о бесконечном преклонении перед ним...».

Даже на пенинской радиостанции понимают, по-видимому, что нужны доказательства такого «преклонения». И вот появляются примеры, вроде нижеследующих:

«...Как-то на московском вокзале один советский пассажир, которому было лет за тридцать, вошел в вагон и увидел там портрет нашего вождя, остановился и долго всматривался в него. Затем он поцеловал портрет и изволнованно сказал: «Мао Цзэ-дун, наш народ горячо любит вас». В пути этот пассажир каждый день утром и вечером подходил к портрету Мао Цзэ-дуна, отдавая ему честь... Как-то на московском вокзале в вагон вошли две студентки. Им хотелось поздравить выдержки из трудов Мао Цзэ-дуна. Остановившись перед портретом Мао Цзэ-дуна и отдав ему честь, они стали мажно читать один плакат за другим. Прочитав, они заприщали от радости».

Отдадим же и мы «честь» радио Пенина, открывшему совершенно неисчерпаемый источник «примеров» своей правоты.

свидетельство
оче видца
ТАЙНЫ
НОВОГО
ОРЛЕАНА

Зигмунт БРОНЯРЕК, специальный корреспондент «Трибуны людей» в США

С крыши самого высокого в Новом Орлеане здания — Международной торговой палаты, где находится вращающийся на мощной оси бар, — по вечерам открывается чудесный вид на окрестности. Вот какая-то освещенная барка, а может быть, пароход (или, кто знает, — военный корабль) медленно движется по великой американской реке Миссисипи. Воздух напоен свежестью и ароматом цветов. А воздух — звездная россыпь огней... Тишина. Спокойствие...

Эта сцена резко контрастирует с той нервной атмосферой, которая царит в бюро окружного прокурора Нового Орлеана, теперь уже всемирно известного мистера Дж. Гаррисона, а затем переместилась в здание Новоорлеанского суда, где 14 марта Гаррисон представил судье и многочисленной публике своего первого «осязаемого», как тут говорят, свидетеля Перри Раймонда Руссо, о показаниях которого вам, дорогие московские читатели, уже известно.

Интерес к этому процессу был исключительно велик. Таксисты в Новом Орлеане говорили только о суде, о Гаррисоне и его смелости. Вообще, можно остановиться на улице любого человека, заговорить о суде, и... знакомство завязано.

на чужой волне КЕЛЬНСКИЙ ЛАНДШАФТ

После известного скандала в западногерманской неонацистской партии НДП (в результате которого из партии был исключен сначала заместитель председателя фон

Тадден, а затем сам председатель «Тилек») и о председателе НДП Гутман заявил, что теперь партией станет «более сильной и сплоченной».

Между тем кельнская радиостанция «Немецкая волна» в передаче на русском языке всячески расписывает «замысловатый уловок НДП». «Для националистической партии, — говорится в передаче, — не остается места на политическом ландшафте ФРГ». «Немецкую волну», видимо, на смущает то обстоя-

тельство, что советские люди знакомы с совсем другой оценкой, принадлежащей самому кандидату Кизингеру. — Рост ее влияния, — заявил он, — дело вполне реальное... Он сказал даже, что не исключено такое положение, когда нынешние правящие партии пойдут на правительственную коалицию с НДП... На наш взгляд, правящие круги попросту заинтересованы в наличии «экстремистов». Справедливо писала об этом «Франкфуртер

рундschau»: «Можно констатировать не только готовность примириться с участием праворадикалов (то есть НДП — Д. У.) в государственном аппарате, но и склонность воспользоваться их услугами».

Все это «Немецкая волна» игнорирует, поскольку такая ситуация не укладывается в создаваемый ею для советских слушателей «политический ландшафт» ФРГ. Да, не скрывают концы с концами у господ из Кельна Д. УМАНСКИЙ

детектор лжи САМИ СЕБЯ ВЫСЕКЛИ

12 марта радиостанция «Голос Америки» сообщила о том, что американский народ поддерживает политику своего правительства во Вьетнаме.

Но через некоторое время та же станция поведала своим слушателям, что, по подсчетам института Гэллупа, 59 процентов американцев в нынешнем году заявили, что они не одобряют действия президента по отношению к Вьетнаму и что теперь недовольных на 16 процентов больше, чем в прошлом году. В таких случаях русские говорят: — Самы себя высекли...

Newsweek РАБОТАЕМ ДЛЯ ЦРУ... совершенно секретно

Мистеру Икс, агенту ЦРУ, дали опасное и сложное задание: установить точное число бензозаправочных станций в Москве...

То ли мистер Икс ленив от природы, то ли он умеет считать только по пальцам, но с этим заданием он не справился.

И вот что мы прочли в американском журнале «Ньюсвик»:

«Советский Союз Сообщения ЦРУ в советской столице — Москва»

о статусе автомобиля в Советском Союзе поступили на прошлой неделе из авторитетного, но, как правило, тайного источника: Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов...»

Ознакомившись с этим сообщением, мы тотчас же решили: надо помочь ЦРУ. Вскоре в редакционную машину, мы помчались по улице Москвы, фотографируя микромашину, все бензозаправочные станции, попадавшиеся на нашем пути. Мы ездили весь день, сняли в общей сложности девяносто девять станций и к вечеру очень устали.

«Хватит!» — решили мы. — В конце концов, пусть этим занимаются агенты ЦРУ. Деньги — они! получают! больше, а работа! — плохая!»

Шпион-любители В. «ОСТРОВСКИЙ» и И. «ТРАХМАН»

АЗС №1 ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОМБИНАТА АВТОМОБИЛЬНЫХ МАШИН

АЗС №99 ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОМБИНАТА АВТОМОБИЛЬНЫХ МАШИН

РЕФОРМА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ

Советские люди видят в хозяйственной реформе, которая проводится сейчас в нашей стране, решающее условие выполнения экономических и социальных задач новой пятилетки. С первой четверти нынешнего года в промышленности на новую систему планирования и экономического стимулирования переходит почти 2,5 тысячи предприятий. Они дают пятую часть всей индустриальной продукции страны.

Есть много фактов, свидетельствующих о благотворном влиянии реформы на производство. Но по мере ее осуществления возникают и различные проблемы. Вовремя замечать и анализировать их, не обходить острых вопросов, которые задает жизнь, — долг экономической науки и практики.

Каких должен быть экономический механизм на новом этапе реформы? Что следует изменить во взаимоотношениях предприятий между собой, в деятельности главных, министерств, плановых органов? Об этом размышляют наши читатели, приславшие свои письма в связи со статьями проф. А. М. Бирмана «Неотвратимость» и докторов экономических наук С. Е. Каменникова и В. З. Мильнера «Стимулировать, а не принуждать» («Литературная газета» за 11 января и 1 февраля с. г.).

Часть этих откликов мы публикуем сегодня.

ПРИНЦИП, НЕ ПРИЕМЛЕМЫЙ В ПРИНЦИПЕ

Своей заработной платой на предприятии выдают неадекватно от состояния хозяйственных дел. Поэтому, рассуждает автор статьи «Неотвратимость», директор не знает, не знает и может принять любую не балансирующую план. А вот если бы предприятие поставило в такие условия, что в случае хозяйственных неудач оно не сможет выдать заработную плату, то администрация уже не примет «плохой» план, не рискуя выдать недовольство своих рабочих и служащих. Автор ставит вопрос ребром: «Либо работай хорошо, либо зарыбайся».

Правое же, не ожидая от такого знатка советской экономики, как Александр Михайлович Бирман, подобной наивности. Ведь никто не знает лучше Бирмана, что результаты хозяйственной деятельности определяются теми условиями, которые создает для предприятия общество. Так зачем же всю вину возлагать на предприятия? Допустим

ли принцип, так ли практика при социализме?

Требование «работать хорошо или зарыбайся», по существу, ведет к ликвидации централизма в управлении производством и означает: «работай на свой страх и риск». Нет, это нам не подходит.

В условиях частной собственности обществу нет дела до того, как данное предприятие работает. Деятельность стимулируется приспосабливая к рыночным условиям потребностям. Не приспосабливается — вылетает в трубу. Социализм организован иначе. Здесь нет частной собственности, и предприятие не принадлежит данному коллективу. Его хорошая или плохая работа является функцией общественно-планового управления производством.

Не значит ли это, что с коллективов предприятий снимается всякая ответственность за результаты хозяйственной деятельности? К сожалению, примерно такое представление имело место до недавнего времени. Но реформа вносит в это представление существенные поправки. Она выдвигает требования в отношении хозяйственной деятельности. Осуществление реформы, составным элементом которой является со-

вершенствование оптовых цен, как мы надеемся, постепенно создаст условия, при которых прибыль предприятия будет говорить о действительной мере старательности коллектива. Только тогда можно будет сказать, какое предприятие, насколько и почему плохо или хорошо работает.

Но даже и в этом случае мы не можем зайти на вооруженные принципы «зарыбайся». Определен возмездия более точно меру выгоды и ответственности коллектива, мы едва ли согласимся переложить на него всю ответственность, поскольку у нас существует взаимная ответственность коллектива перед обществом и общества перед коллективом.

С. ДЗАРАСОВ,
доцент МГУ
имени Ломоносова

РЫЧАГИ И ТОРМОЗА

Я во многом не согласен с автором статьи «Неотвратимость», но вот в чем безусловно прав проф. А. М. Бирман: «Иррациональные вопросы изменения централизованного планирования в условиях хозяйственной реформы почти не находят ос-

ещения на страницах печати».

Все нас радуют успехи сотен предприятий, работающих по новой системе планирования и экономического стимулирования, но нельзя закрывать глаза и на трудности, с которыми они встретились. Междуведомственная комиссия, возглавляемая заместителем председателя Госплана СССР А. Бануриным, недавно устроила весьма полезное заседание в Харькове. Она могла там убедиться в действительности не только экономических рычагов, но и социальности, и некоторых административных тормозов. Оказалось, что, как и прежде, планы предприятий в течение года неоднократно менялись, что министерства и ведомства продолжают медлено устанавливать их задания, противоречащие решениям сентябрьского пленума ЦК КПСС (1965 г.), в том числе, грубо попирая права предприятия, устанавливая и такие показатели, как валовая и товарная продукция, снижение издержек производства, численность работников и т. д. Выяснилось, что и на заводах Харькова, как и в других местах, фонды развития и социально-культурные мероприятия не обеспечены материальными ресурсами и, как правило, используются лишь частично.

Одна из причин этих трудностей заключается, на мой взгляд, в медленной перестройке деятельности центральных плановых и финансовых органов.

Полностью реализовать преимущества новой экономической системы мешает чрезмерная централизация планирования промышленного производства. Поэтому нельзя не приветствовать тот факт, что начиная с 1967 года по инициативе министерств расширена номенклатура планируемой ими продукции, которая раньше включалась в общегосударственный план, утверждаемый Верховным Советом СССР. Думается, что это лишь первый шаг.

Нетрудно себе представить, что Госплан СССР, освободившись от излишней опеки над деятельностью многих отраслей и даже отдельных предприятий получит возможность глубоко и комплексно решать сложные народнохозяйственные проблемы, те, от которых зависит развитие всей нашей экономики, повышение эффективности общественного производства. Это особенно важно потому,

что многие народнохозяйственные проблемы могут быть решены лишь Госпланом СССР и никем иным.

Я говорил о Госплане, но не меньше вопросов реформы задает министерствам и ведомствам. Надо серьезно подумать о том, что и как должно быть изменено в стиле и методах работы Государственного банка, Министерства финансов, Госкомитетов по труду и заработной плате, материально-техническому снабжению и т. д. Речь идет отнюдь не о перестройке и реорганизациях. Задача сложная: найти подлинно экономические рычаги, которые полностью переводят важнейшие органы управления народным хозяйством на рельсы реформы.

С. МИСКИН,
кандидат экономических наук

ОПАСНОСТЬ ШАБЛОНА

Я, инженер и хозяйственный почти с сорокалетним стажем, не могу не откликнуться на статью «Неотвратимость».

Конечно, «свобода зарплата» в экономическом механизме. Научно-экономический «монитор» его в огромном производственном организме страны является трудной, черновой, очень ответственной работой по реализации экономической реформы. Экономика, как и всякая наука, не знает синхронизации, компромиссов, поблажек: ее не заставишь капитализировать перед волевым административным, не оцарапать лишней фразеологией. В связи с этим мне хотелось бы обратить внимание на следующее.

После сентябрьского пленума (1965 г.), естественно, хлынул поток теоретических работ, научных статей и газетных статей. И если в первые месяцы их общий декларативный, комментаторский тон был в какой-то мере оправдан, то теперь он может принести только вред. Между тем до сих пор многие статьи продолжают лишь «рекламировать» экономическую реформу, не анализируя опыт, не делая даже попыток конструктивно-походки к новым проблемам экономики. Не свидетельствует ли это о том, что некоторые реформы поняты формально, упро-

щенной, сведена к определенной сумме организационно-технических и экономических мер внутри самого предприятия?

Экономический механизм, многообразный и сложный, выступает как главная и решающая сила в хозяйственном организме страны. И думается мне, что главным объектом всех усилий в проведении реформы должна стать отработка механизма всей системы управления, планирования и финансирования.

Не проглядывает ли через «бюджетный» оптимизм статей, о которых я упоминал, примелькавшийся нам до отворачивания шаблонов?

И хотел бы проверить свои суждения и очень хотел бы ошибиться в них. А то ведь, на самом деле, если шаблоны принят и в практику реализации экономической реформы, сколько будет сделано откровенно, попусто и неуживчивой работы.

Очень полезно было бы продолжить в печати разговор о том, как начать сложную работу по «мониторингу» экономического механизма, на каких важных «узлах» и слабых звеньях сосредоточить силы. Такой диалог ученых с практиками был бы удар по шаблону и упреждению.

Ф. ОСТАНИН,
инженер

АЛМА-АТА

КОРЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Прежде всего о самой дискуссии. На страницах «Литературной газеты» подняты коренные вопросы экономики нашей страны. Вашу газету выписывают далеко не все. Поэтому при появлении этих статей дело доходит до того, что на двух-трех рабочих кабинетах вышиваются объявления о том, что «номер» «Литературной газеты» со статьями об экономической реформе в данном кабинете не имеется». Словом, люди проявляют огромный интерес к поставленным вопросам.

Я хочу высказать свое мнение, взглянуть на эти проблемы со своей «колокольни».

Профессор Бирман — довольно смелый человек,

если он решился открыто предложить такой порядок расчетов и очередности платежей. Если следовать его рецепту, то коллектив предприятия должен отвечать не только за свою работу, но и за работу предприятия — потребителей своей продукции. Ведь если кто-то сверхмерно не оплатит эту продукцию, поставщик останется без зарплаты. Такой метод неприемлем — в этом правы С. Е. Каменников и В. З. Мильнер. Но и они, в отличие от проф. Бирмана, не осмеливаются предложить конкретный порядок расчетов и предлагают несколько вариантов: либо широкое предоставление платежей краткосрочным ссуд, либо аккредитивные расчеты, либо покупка продукции банком.

Хорошо бы докторам экономических наук иметь более твердое мнение.

По-моему, единственная приемлемая система расчетов — оплата продукции банком по предъявлению отгрузочных документов. Предприятие получило заказ и своевременно его изготовило — значит, все, что от него требовалось, оно выполнено. В данном случае оно не должно зависеть от потребителя.

Что касается несбалансированного плана, то этот вопрос необходимо связывать с договорными условиями. И надо, чтобы условия были жесткими. Если поставщик своевременно не поставил ту или другую продукцию, он должен оплатить потребителю все расходы, связанные с невыполнением плана по этой причине. При таких условиях вряд ли кто-нибудь заставит руководителя предприятия принести несбалансированный план. Вот тогда сразу вспомнит о комплексе в планировании: строго и одновременно будут учитываться и мощность предприятия, и обеспечение плана производства сырьем, материалами и комплектующими изделиями.

С. БОРОДУЛИН,
управляющий
всесоюзной конторой
«Экспресснаб»

Зачем же МАШИНУ ЛОМАТЬ?

Если водитель автомашины нарушил правила движения раз, другой, третий, —

лишая его премии, заработка, водительских прав, но зачем же машину сдавать в лом?

Возмездие за нерадивое хозяйство должно быть прежде всего экономическим, а не административным — верно. Оно должно быть неотвратимым — тоже верно. И очень чувствительным. Но причем тут «зарыбайся»!

Неумение выплатить вовремя зарплату из своих доходов должно автоматически приводить к отставанию руководства, к лишению его водительских прав, к его замене, а отнюдь не к закрытию предприятия или распродаже его материалов «с торгов».

Дело ведь не в том, чтобы исключить вообще административные меры, а чтобы пускать их в ход лишь тогда, когда экономические меры исчерпают свои возможности. Сентябрьский пленум ЦК партии положил начало резкому усилению действия экономических стимулов, но он же подчеркнул и необходимость их сочетания с централизованным плановым руководством, с повышением роли и ответственности партийных организаций.

Там, где неумело хозяйственные навыки экономическими мерами не удается выправить, там должны сказаться слово общественности и государственные организации, причем вовремя, не ожидая, пока завод будет доведен до того, что зарплату нечем платить.

Нельзя включать в формулу неотвратимости то, что будет не по виновнику, а по народному хозяйству. Формула должна гласить другое: либо работай хорошо, либо расправляйся с собственным балансом, а если и это не помогает, тогда смена руководства обязательна. По такому же принципу должна действовать администрация предприятия по отношению к руководству отдельных цехов (антривозводской хозяйства) и к отдельным работникам.

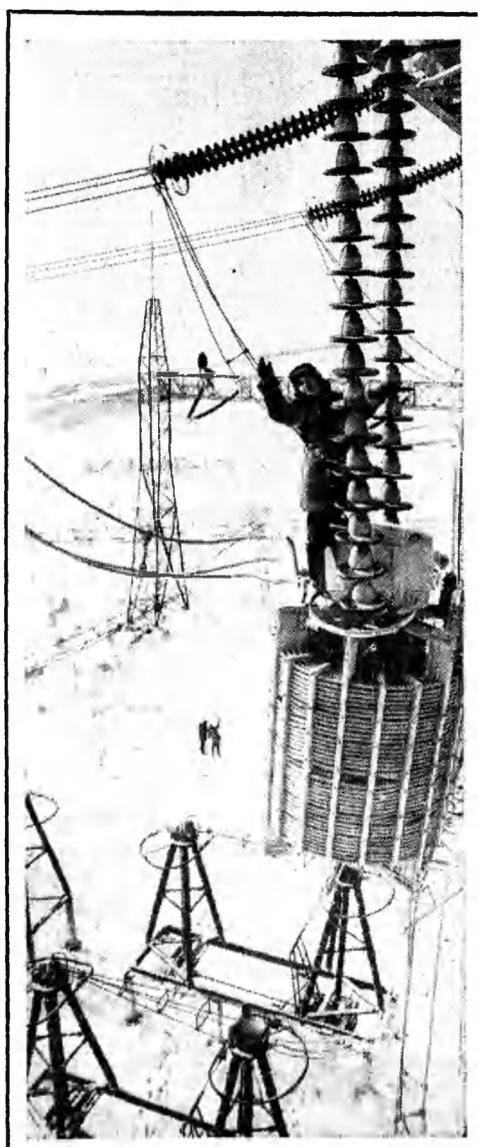
Значит, «зарыбайся» нельзя адресовать предприятию в целом, а только конкретным виновникам бесхозяйственности. Но по отношению к ним эта угроза должна быть действительно неотвратимой, причем такой, чтобы они не могли «открыться» где-то в другом месте. Речь идет о дисквалификации.

В. СМЕХОВ,
профессор,
доктор экономических наук

НАШ СОВРЕМЕННОК

ЗВЕРОБОЙ

Аидия ОБУХОВА

НОВОСТРОЙКИ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

Крупнейшая в Западной Сибири Ново-Анжерская подстанция, сооружаемая сейчас в Кемеровской области на подстанции от шахтерского города Анжеро-Судженска, соединит в один узел энергосистемы Кемеровской, Новосибирской, Томской областей и Красноярского края. Все дальше с востока на запад шагает высоковольтная линия. Она откроет путь дешевой энергии электрических гигантов на Ангаре, Енисее, на Канинских угольных месторождениях и крупных промышленных центрах Сибири. Урала.

Фото А. Кузряина (фотохроника ТАСС)

«ОН В ГЛЫБЕ ПОСЕЛЕН...»

В Архангельске я встретила своего одноклассника Михаила Скорозодова. Когда мы учились в Литературном институте, он был известен как поэт, а здесь выступил несколько книжек прозы.

— Я знаю, что тебе нужен, — сразу сказал он. — Дмитрий Андреевич Бутурин. Это такой человек! Настоящий помор. Сама увидишь. Я о нем писал.

Для через два мы с мужем гуляли по городу, заглябли и решили позвонить Скорозодову.

— Конечно, приходите! — воскликнул тот. — У меня как раз Дмитрий Андреевич сидит.

Дмитрий Андреевич был огромнейшего роста: даже за столом он возвышался, как айсберг. На голове у него торчали пышные седой ежик, а каждая черта была вылеплена мастером с мочушкинскими руками, который не затруднял себя отдалкой мелочей: нос сразу говорил, что это именно нос и ничто другое; рот, челюсти, лоб — все было вырублено с запасом лет на сто.

Дмитрий Андреевич оказался на редкость молчаливым. Делителем чокнулся крошечной рюмочкой с легким вином, слушал да помалкивал. Разомкнул он уста, только когда мы сообразились уже уходить.

Сын моего друга, как все современные мальчишки, увлекся космосом и кибернетикой, даже повесил над кроватью портрет Эйнштейна. А мы к стати припомнили, что недавно вышла интересная книга про дельфинов. Тут Дмитрий Андреевич и поддал голос, похожий на пародийный гудок.

— У меня в одном журнале скоро будет напечатана статья, — сказал он. — Заключительная и самая важная: где зимуют белухи, наши полярные дельфины. Ее долго не хотели пускать, она опровергает слишком многие мнения.

«Ах вот что, — подумала я. — Помор пишет статьи. После Ломоносова это не диво!» Теперь лишь его показало мне «типовыми»: один ленинградский хирург позол на него, один московский биолог, да и Балзак был в том же роде. Особенно в описании Пастернака:

он в глыбе поселен.
Чтоб и глыбиче глядя
Из каменных пещер
Все яственней родиться.

Мы продолжили некоторое время чисто профессиональный разговор о журналах, издательствах и редакторах. Условились, что завтра, когда Дмитрий Андреевич пойдет на работу (он сказал «на вахту»; я еще подумала: ну и вылезла же здесь морская терминология!), он занесет в гостиницу черновик статьи, потому что добыть от него в двух словах, где же все-таки зимуют дельфины, так и не удалось.

В гостинице на сон грядущий я открыла книгу рассказов моего одноклассника там, где он заложил страничку бумажной. Описывались высокие широты Крайнего Севера, здесь, по моим временам года можно пользоваться лишь приблизительными: за Полярным кругом у природы свои законы. Скорозодов писал, что утро в тундре начинается в феврале, когда впервые проглядывает солнце; что незакатный май можно считать полярным днем; август — когда кружат первые снежинки и устаете светело впервые опускается за горизонт — полярным вечером. А ноябрь — началом стодневной ночи.

И вот посреди этой темной снежной тундры, под ледяными сполохами, в свистящей пурге, возник вдруг мой сегодняшний знакомец — «большой охотник», как называл его ямур. Это он построил много лет назад в тундре избушку, — и замершие путники находили в ней огонек свечи в консервной банке да сухие дрова в печке. Это он, не задумываясь, свернул собаку упряжку в сторону, когда прочел по следу чужих польов, что сбившийся в пургу проводник увозит доктора, минуя стоябище, в открытую тундру.

В любую метель он определял стороны света по снежным застремкам, ибо, как ни коварен ветер, Бутурин знал его пути! Он бил белых медведей без счета, а одного из них, после двух осмек, в упор — едва успел отползнуть падающую тушу прикладом.

На острове Расторгуева в Карском море у него родился сын. Врача привезли с острова Диксона. По дороге охотники меняли упряжки на каждую зимовку, и повозки мчались со скоростью мурьерского состава. Смелого доктора звали На-

дейдой Котельникова, а новорожденному дали имя Николай...

На том же острове, где он прожил несколько лет, однажды, охотясь на нерпу, Дмитрий Андреевич очутился в воде. Двадцатипятилетняя туша, которую он вел на буксире, вступилась, обрубившись, за него и вернула лодку. Помощники, увидев, что он тонет, бросились к нему, но успели только поплыть. Зверобой доплыл до крошки и после долгой борьбы успел свалиться на край упряжки. Собаки вытащили его на берег. Он сорвал обледеневшую одежду и, наткнув на голое тело одну майку, погнал упряжку к избе.

Все, о чем повествует рассказ «большой охотник», было так необычно для моего первоначального представления о живом Дмитрии Андреевиче, с которым мы ведь всего несколько часов назад сидели за столом, мирно беседовали о журналах и трудностях напечатания, что нелегко было отделяться от желания протереть глаза. Да полно! Тот ли это самый человек?

— Но человек был тот самый. Помор. Зверобой. Автор статей, где зимует белуха!

ГДЕ ЗИМУЕТ БЕЛУХА?

— Слышь ты, — говорил он на следующий день, доставая из саночка вязанку угля.

И тотчас все внимание заполнилось массивной фигурой в овчинном, крытом чем-то вроде брезента полушубке. Потому что Дмитрий Андреевич в самом деле шел ступить вахту на своей шухне.

— Слышь, я все предгадываю сорок лет бил зверя, — он сказал это так, словно отлично знал, как распорядится и последующими сорока годами своей жизни. — В Арктике, скажу тебе, гове ее своя целина. Слышались вы в Москве про рыбу-сайку? И никто, кроме нас, поморов, ее не знает. Она ходит по ледом. Мы ее находили в Ледовитом океане под 88° северной широты. А южнее Белого моря — в январе да феврале. Летом ей уже и в Белом море жарко! Живет в самых верхних слоях воды, под плавучим ледом: он ей вместо шкит-регулятора. И от врагов с воздуха защищает. Лед в Арктике редко бывает гладким, больше торосы: они до десяти метров высятся над водой. Вот в этих-то ледовых пещерах, щелях и укрывается сайка. А питание же — планктон, в верхних водах ему и света и воздуха много.

Думаешь, про ту рыбку уже все теперь? А где она колючет своими стадиями! Куда дигается? Я скажу так: по восьмидесяти широте идет самая северная граница распада ледя летом. Вот тут с июня до декабря у островов, у берегов Вайгача и Новой Земли сайка собирается плотом. Конечно, какое лето выпадет; если теплее, то и Карское море полностью освобождается ото льда, граница распада пака подымается выше. Но всегда там, где ледовый лед, ищи и сайку! А если весной припайный лед соединяется с массивом льда Карского моря и начинается отступать вместе с массивом, — сайку у берегов не бывает. Так что ее пути, как у хорошего лоцмана, зависят от обстановки.

Сайка мечет икру в устьях рек или подходит к берегам. Но я знаю, что там не единственно ее нерестилище: ведь как раз в декабре и январе — месяцы нереста — больше всего сайки в высоких широтах! Вот я и беру угувердуть, что главное нерестилище сайки — это крошка покового льда! Морская вода в это время холода, а у нее минусовая температура; икринки вместе с молоками прилипают ко льду. А малышки появляются вместе с потеплением. Если точно знать каждый раз, где идет нерест, можно предсказать, куда сайка пойдет для нагула. Может, дрейфующий лед отступит ее, когда он молодой и легко разбивается, — ведь открытой воды она не любит? Поморы говорят: сайка идет на ветер. Сильный ветер и в устьях рек нагоняет морскую воду, а льды ставят дыбом: опять для рыбы удобные щели появляются.

Раньше сайку было ловить в самом деле трудно: каждый год льды идут по-своему. А теперь авиаразведка; именно он, зверобой! Впервые, добра ялико, пропадает, родит не спугнет. А главное, вот моя третья статья! Она еще тебе объяснит. Белуха — самый полярный зверь; сайка — самая полярная рыба. Белуха питается сайкой. Где сайка, там ищи белуху, вот такая штука! Поэтому все начинается с сайки, понятно?

— Да у вас, Дмитрий Андреевич, целая диссертация! — воскликнула я.

Но он потер ладонью пунцовые щеки — сначала с мороза, а теперь с тепла они так разоглились, хоть прикуривай! — и пробурчал что-то неслетное о диссертациях вообще.

— Есть у меня такой знакомый. Я ему говорю: ты же ученый, а в суть вещей выкинуть не хочешь. Он смеется: ина твой сути диссертацию не напишешь! Вот, говорю, к тому, видно, идет: диссертация будет, а рыбы — нет!

— Мастер добычи морской зверя, — продолжает он, — мастер добычи морского зверя. И тогда имен на шухне и Канину Носу, а зверя там нет, хотя в прошлом году промыслили удачно, я начинаю задумываться. Не для диссертации, для пользы дела! Почему зверя нет? Не потому ли так, что беломорский лед отплыл в Баренцово море, к острову Колгуеву? Подо льдом выныло plankton с сайкой, а следом за сайкой ушел и зверь?

Дмитрий Андреевич ушел на свою шухну, а я все еще держала в руках тоненькую стопку машинописных листов. Они были сколоты канцелярскими скрепками, написаны не цветисто — все-таки ведь длинные темные пальцы Бутурин имели дело чаще с веслами и гарпуном, чем с авторучкой! — но сколько ледяных дней и ночей, ветров, зыби, штормов, наблюдений, внезапных находок уместилось в этих страничках!

И вот последняя глава: «Где зимует белуха?» Опять отрывками зверобой, оставив палубу, пускается в плавание между китов и аляретов. Он видел в мае белуху у юго-восточных берегов Карского моря, в Обском и Енисейском устьях, а в июне и июле стада белух появляются в западной части моря Ледяного, у островов Северной Земли, Малого Такимыра, «Комсомольской правды». Для нас это лишь географические названия, Бутурин они знакомы, как улицы родного Архангельска.

Однако, размышляет он, откуда же берутся здесь белухи, если пролив Вилькицкого до августа закрыт стоячим льдом и проход через него невозможен. И делает смелый вывод: значит, стада белух зимуют в море. За все полярную ночь, вплоть до мая, он не видел зверя у побережья. А между тем весной белуха хорошо нагулена, особенно к моменту родов: все морские млекопитающие выкармливают детенышей за счет подкожного жира. Где же можно накопить зимой жир? Да, конечно же, на местах нерестилищ сайки, вдали от берегов, под дрейфующим льдом!

Крошка льда восток от архипелага Земли Франца-Иосифа представляет собой нагромождение многолетних льдин, больших сморозей; иногда они тянутся километрами. Стену сюда собираются все ластоногие: морской заяц, нерпа, беломорский тюлень, белуха. Слетаются бесчисленные стада. У всех у них общая кормилица — сайка!

Однако берет и сомнение: как может белуха выжить под дрейфующим льдом Ледовитого океана, если она под водой способна пробыть не более десяти — пятнадцати минут, а затем запас кислорода в ее легких иссякает?

Но ведь сайка, напоминает Бутурин, концентрируется не где попало, а у крошки многолетних льдов и под крупными полями — сморозями из молодого льда. Лды эти сидят глубоко в воде, ими управляют не ветры, а течения. Поэтому всегда хоть с одной стороны да образуются разводы, столь необходимые для белух. А если лед неожиданно склинется, и белухи, по убеждению старого охотника, окружены в тае образуются воздушные колпаки из выдыхаемого воздуха. Белуха уплывает дальше, а воздушный колпачок остается. Находясь долгое время под льдом, отработанный воздух вновь обогащается кислородом и становится пригодным для дыхания.

Таковы полунезаблюженные-полупредположения нашего зверобоя. Похоже на сказку? Я не знаю ни одного открытия, которое не прошло бы «сказочную» стадию. Сначала мечты, гипотезы, затем поиск и, наконец, уверенность.

На рукописи следы чего-то карандаша: «Вдумки», «Недо доказать». Конечно же, надо доказать! Бутурин сорок лет наблюдал полярного зверя среди льдов Арктики и охотой передает кочник нити в руки ученых: пусть ищут Дальше. А тем — хоть и диссертация пишется... Ведь проблема стоит того!

ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ

ПРЕВРАЩЕНИЕ

В ЗАХОЛУСТЬЕ

Николай ВИРТА

1. Должно быть, у каждого смертного есть на белом свете такой уголок, будь то село или город, в который как влюбился, так уж до века. Город, полюбившийся мне, старый-престарый: упоминание о нем восходит к 1096 году. Тем он и известен и ничем более. Нет здесь высочайших зданий, домов, построенных каким-либо знаменитым архитектором, нет театра, приличного стадиона, одна баня на весь город, да и та частично зарыта — ремонтируют ее, беднягу, да сколько ж можно: разваливается старуха.

Лишь два здания в центре, построенные в современном стиле, напоминают приезжему человеку, что как-никак город живет в нашу эпоху и мало-помалу кое-чем обзаводится. Например, асфальтовой мостовой. Начали ее строить в году шестьдесят пятом, стороны в году шестьдесят шестом, может, в шестьдесят седьмом и достроит, чего не бывает! А длина этой асфальтовой магистрали — километра два, да и то, пожалуй, перехвачена. Все остальные улицы и площади — оштукатуренный тротуар, с непримечательными колодынями, густейшей пылью по веснам и летом и непролазными грязями осенью.

За городом начинается асфальтовое шоссе, связывающее Новгород-Северский (именно об этом городе пойдет речь) с Черниговом. Есть закон или правило, бо знает какими мудрецами-дорожниками выдумано и гласит, что дороги государственного и республиканского значения — концы везда в городе. А дальше, мол, нас ничто не касается, пусть о своих мостовых и тротуарах беспокоятся городские или там районные власти.

И вот новгород-северские власти, подумавшись, решили: будет и у нас асфальт в центре города. Но, как говорится, скоро сказка сказывается... Расчистили улицу, уложили соответствующее покрытие, отгородили мостовую от тротуара акрилатными бетонными плитками. Но где же асфальт? Асфальт, оказывается, надо возить... за сто километров из Чернигова! Пока самосвал привезет порцию асфальта, он (асфальт, конечно) превращается в черт знает во что.

3. Если будете в Новгород-Северском, не поленитесь заглянуть на монастырский холм. Он выстает над огромной долиной-поймой лесу. Могучая быстринная река ата, петляя, уходит на юг, чтобы влиться в Днепр. С холма она видна на много километров. Необыкновенная широта обзора, ограниченного массивной стеной лесов, зеленый ковер лугов, багрящие на солнце озера и заливы, мажорная избушка лесного колдона, легко скользящая по реке моторные лодки, синие-синие неба — ах, боже мой, да не взглянуть на эту чудесную картину и не забыть ее тому, кто хоть однажды побывал здесь!

На Десне, в заливах и в озерах разложены рыбачьи чебаки, а в заливах и в озерах разложены рыбачьи чебаки, а в заливах и в озерах разложены рыбачьи чебаки... Тем временем туман редкий, появляются призрачные очертания домов на городской окраине. Подняв густое облако пыли, останавливаются у перекрестка двух автомобилей. К нему спешат женщины с кошелками и сумками. Автобус, громыхая всеми своими частями, отправляется в центр города, к базару. А там — чего только душей хочется!

Славен Новгород-Северский летними ярмарками: и право, стоит хотя бы один раз побывать здесь. Еще накануне начинают прибывать на окрестных села и районах крестьянки с разным добром. Развозачивают свои «точку» подальше. Ведут коров, телят, пронзительно вешают поросят, недовольно хрюкают свиньи. Заменив слово: трижды я наблюдала шумящие и вопящие многотысячные людские сборища. Из года в год все богаче становится рынок животных: коров, телят, свиней, овец продают и покупают великое множество.

От всевозможного продовольствия ломается прилавки «обзорного» ряда: горячие пирожки, пампушки, пряники, ешь не хочу! А не «злаешь» вкусить яромарочной еды, пойдешь в городской ресторан, что на втором этаже универмага. Нигде мы не ели такого бесподобного котлета и пышных оладий под сметаной, нигде и других подобных же районных заведений не видели такого обилия холодных и горячих закусок... А уж дешезина!

4. И вот почему. В Новгород-Северский можно ехать по железной дороге Москва—Киев до станции Терещинская, это занимает одну ночь. От Терещинской до Новгород-Северского всего каких-нибудь шестидесять километров. Это три, а то и все пять часов — в зависимости от состояния дороги — в рейсовом автобусе. А состояние дорог жуткое: мало скакать, удручающее. Зимой — грандиозные снежные завалы. В коридорах, пробитых в них, двум машинам не разминуться. Весной чудовищная грязь: глубокие колеи, лужи подстерегают вас не только в поле, где пролетает бешеная, искоркаристая глубочайшими колеями, но и в селах. Иные лужи не просят даже в самые печальные времена, и горе застрявшему водителю: уйдет машина по самую ступицу в грязь и жи вырвется.

А памятно еще времена, когда Новгород-Северский был связан с центром железной дорогой через леску, начинавшуюся у станции Угловая. Теперь дороги нет. А случилось вот что. Выбрав наши части фашистов на Новгород-Северском, и понадобился ремень, чтобы продолжить путь для важной операции, закончившейся еще одним разгромом гитлеровской армии. Обещано было районным властям: окончатся войны, летчики вернут, уложат, построят разрушенные вокзал, склады. И все будет, как было.

Прошло двадцать два года после войны. Еще дека железнодородная насыпь, целы кое-где мосты. А ремень? Их все обещают вернуть. Не счастье решений, постановлений и указаний в этот счет. Не счастье холодков, побывавших в Москве и других местах. А вот и ныне там... Григорий Евменович Озая, секретарь здешнего райкома партии, рассказал мне о бедственном положении района, в течение осенних и весенних месяцев нарочно отрезанного от внешнего мира.

— До войны был у нас железнодорожный мост через Десну. Был отличный мост для автомобильного и грузового транспорта через всю пойму реки. Не восстановили. От станции Терещинская тянется железнодорожная ветка на Шостку и Пироговку. Злая судьба заставила Новгород-Северские строить здесь, в Пироговке, перелазный километр: пять месяцев в году эти километры практически закрыты для движения из-за бедорожья. Тысячи, десятки тысяч тонн всякого добра, адресованного району, лежит на складах месяцами! Это машины и удобрения для колхозов, это промышленные и строительные материалы, это продовольствие всех видов, это посуда, ткани, обувь... Возим, конечно, — замечает Озая, — возим, но как возим! Несчастные наши водители, несчастные наши машины! Не проходит дня в распутицу без аварий, поломок, порчи ценнейших товаров. Горы пропашных в поле удорожены, разбитые мостики с посуды, домашние ткани, непорочные случные товары, многотысячные бездумные убытки!

А ведь река идет все-таки по сорока километрам железнодородного пути от упомянутой Угловой, о реках, которые надо уходить на тотую насыпь! И превращается этот дивный и богатый природными дарми уголок в запустение. Между тем сырая земля всяко — завалила! Там и сям белеют по-над Десной горы. Это известняк, миллионы тонн первосортного известняка, лежачего тут-ле. Леса тоже не занимают стать. Можно обзавестись крупной промышленностью строительных материалов. Район издавна славен лемом и копелкой: ткацкая фабрика, где работает сто человек, могла бы быть расширена в несколько раз... В Десне вода отпачного качества для пивоварения. Некогда здесь варили пиво, оно славилось на Украине. Огромны ресурсы колхозов. Конечно, они как-то используются и реализуются, но именно «как-то».

И все это тянет за собой цепочку других печальных явлений. Мохавды, кончат здешние школы, уходят куда глаза глядят: в городе им работы нет. У многих холдов, взрослых сын ушел в Чернигов. Подрастет еще один парень... Кончат школы доль. Куда им деваться? Где приложить свои знания, силы? И куда девать себя молодым и пожилым, к примеру, осенью и зимой? Когда-то был здесь театр, устроивший артистом Ураловым; его именем названа одна из улиц города. Умер Уралов, распался театр: помещение развалилось. Работают два кинотеатра: один на их летних, а зимний едва вмещает две сотни зрителей.

РЕПЛИКИ УМЕТЬ ОСТАНОВИТЬСЯ ВОВРЕМЯ...

Страсти улеглись — теперь почти не встречаю тех, кому не нравится, что промтоварные магазины в воскресенье закрыты. Сначала для ленинградцев, а потом и для москвичей оно действительно стало днем отдыха. Люди чаще теперь навещают друзей, ходят в музеи, театры, выезжают за город, больше времени проводят с семьей. Словом, новое расписание торговли пошло на пользу.

Но жалко, что и книжные магазины стали переходить на график универмагов. Покупка книги отличается от покупки и приобретения костюма. Пройтись по книжным магазинам — это скорее радость, чем необходимость. А для многих и то, и другое. Особенно для миллионов заочников и вчерашних, которые не могут позволить себе роскошь приобретать книги после работы. В это время они занимаются. Покупка хозяйственных товаров или одежды, толчая перед прилавками действительно могут омрачить отдых. Этого не скажешь про выбор книги — настоящее удовольствие перебирать, рассматривать новинки и делать это не спеша, именно в свободный час. Но теперь в свободный час, в воскресенье, закрыты почти все московские книжные магазины. Напрасно, очень напрасно! То, что правильно для промтоварных магазинов, не годится для книжных... Если пойти по этому пути, то надо закрыть в воскресенье и библиотеки: дескать, сиди дома, отдыхай. Но ведь торговое расписание именно ради того, чтобы люди могли проводить досуг культурно.

Сделав доброе дело, важно уметь вовремя остановиться... Л. РАЗОВСКАЯ, учительница

ПЛАСТИНКИ НА ДОМ

В Усть-Каменогорске мне довелось посетить необычную библиотеку. Туда приходили не с книгами, а с пластинками. Люди несли целые ящики симфонии Бетховена на рожничинские «Колокола», брали «Евгения Онегина», но не Пушкина, а Чайковского. Иные же спрашивали не оперу, а эстрадные песни — кому что нравится.

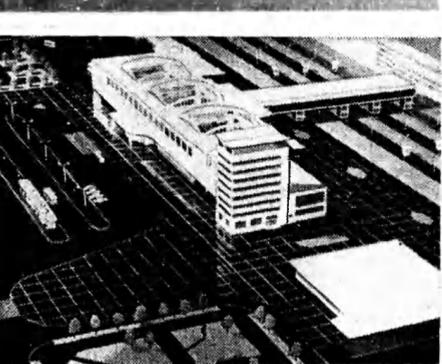
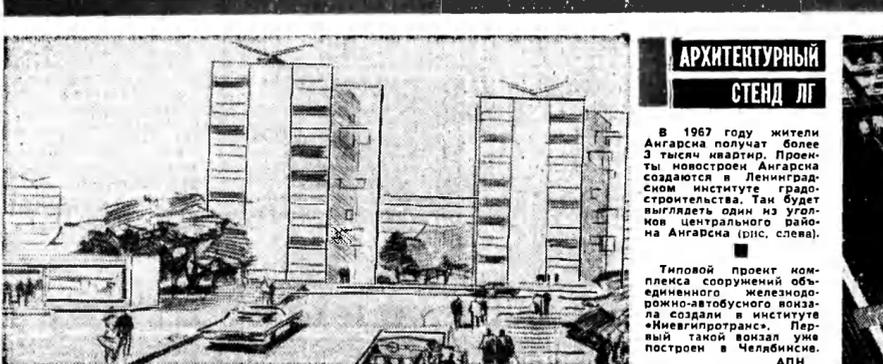
Мне же очень нравится сама эта библиотека. Будь я руководителем ателье проката, я бы накупил много разных пластинок на любой вкус: Бетховена и Цфасмана, Рихтера и Эшпину, да уроки иностранных языков, да «пятьдесят годов са...» Какие можно было бы устраивать дома концерты! Каждый раз — с новой программой. Или брать на свадьбу, на день рождения все самые модные таши.

Убежден, что симфоническая музыка не нравится людям до тех пор, пока они ее не знают. Может случиться так: возьмет человек пластинку на пробу, послушает «библиотечную», а потом решит такую же приобрести для себя.

«Граммфонная библиотека» быстро себя окупила, если прокат будет стоить бже копеечки. Почему бы в каждом прокатном пункте не открыть выгодный всем музыкальный уголок? А. ЛИХАЧЕВ

ВЕЛИКИЙ ИСПАНЕЦ ПОТОРОПИЛСЯ

Товарищ редактор! Любопытная статья — «Психология и реклама» («ПГ» № 6, 1967 год)... «У нас — пишет автор, — она (реклама) должна стать воспитателем потребителя, прививать рациональные вкусы, участвовать в борьбе за лучшее качество продукции...» Все правильно. В связи с этим я задумался в надежде разобраться, какую же из перечисленных целей преследует реклама, увидевшая мною на днях в Кишиневе.

Типовой проект комплекса сооружений объединенного железнодорожно-автомобильного вокзала в институте «Инегипротранс». Первый такой вокзал уже построен в Челябинске.

ДЕНЬГИ НА ВЕТЕР, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ИЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

Ирина ГУРО

В 20.00 неизвестная молодая женщина проникла в корпус, имея особые цели. Проникновение это не осталось незамеченным. Корпус охранялся специальным штатом, осуществлявшим бдительное наблюдение поэтажно. Местность контролировалась визуально, хотя и без помощи техники, но с величайшим тщанием и неусыпно. Круглые сутки шестидесять пар глаз посменно просматривали пятнадцатый корпус. Самостоятельная передислокация наблюдателей категорически воспрещалась. Так как этот корпус представлял собой одну восьмую часть объекта, то всего на последний приходилось 128 штатных (и платных) наблюдателей. (Использование добровольцев на общественных началах не допускалось.)

Едва переступив порог, молодая женщина в тот же миг попала под действие зловещего 13-го пункта инструкции, предусматривающего именно этот случай и предусматривающего: «следить, чтобы на этаже не проникли (проникли) — И. Г.» посторонние лица.

бездомовладельцу. Стук возбоявился. Отырнула дверь №№ 417, 418, 423, 424 и многие другие. Коридор наполнен обеспокоенными людьми, одетыми не по форме. Озвучиванием с книгой регистрации легко было определить лицо, укрывавшееся за дверью № 420 совместно с неизвестной гражданкой.

На вопрос о функциях «старших горничных» тем, не чувствуя смущения, заявили прежде всего, что старшие горничные обязаны следить за порядком на этаже и за тем, чтобы посторонние лица не «бывали в номере». И пояснили: если посторонний противоположный пола задерживается в номере в течение двух-трех часов, старшая горничная под любым предлогом должна звать в номер (пот это почему-то не называется) санврачическим словом «проникновения».

«ХОЛОДНЫХ ДНЕЙ» БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ

Зиновий МИРСКИЙ

Ф. И. Т. М. «Холодные дни» вы увидите вскоре после приезда в Будапешт. Мы долго прождали билетника, пока добрался до кинотеатра. Очереди у кинотеатров, где шел этот фильм, напряженное внимание зрителей — все говорило о том, что появилось новое яркое произведение венгерского кинематографического искусства. Постановленный молодым талантливым режиссером Андрасем Ковачем по мотивам одноименной повести известного прозаика Тибора Черны, этот фильм сразу получил в Венгрии всеобщее признание. На экране — облако войны. Пока оно рассеивается, диктор читает:

В январе 1942 года хорватские войска зверски расправились с мирным населением оккупированного ими югославского города Нови-Сад. Было уничтожено свыше семи тысяч человек, евреев, хорватов. Перед зрителем на экране оживают страшные картины «холодных дней» 1942 года. Идут облавы, мчатся автомашины с арестованными, гремит пулеметные очереди на реке, в прорубь падают женщины, старики, дети... Зритель видит, как легко поддаются обману венгерские солдаты, попавшие в искусственно созданную хорватскими офицерами атмосферу националистической вражды и ненависти, как они теряют человеческий облик и превращаются в извергов.

Расизм, шовинизм, национализм — вот что всегда было питательной средой фашистского развора. Об этом напоминает фильм Андраса Ковача: он призывает бороться с национализмом и шовинизмом, чтобы «холодные дни» никогда не могли повториться. В БУДАПЕШТЕ, на площади Героев, высится скульптурная группа: семь древних воинов во главе с легендарным Ариадом, которые одиннадцать веков назад привели сюда, в центр Европы, предков нынешних венгров.

За свою более чем тысячелетнюю историю венгерский народ прошел трудный путь, отстаивая свою национальную независимость, отбивая атаки чужеземных захватчиков. Полтора века венгры вместе с другими восточно-европейскими народами прикрывали собой Западную Европу от яростного натиска турецких полчищ. Говоря о венграх, французский историк Мишле писал: «Сможем ли мы уплатить наш долг этому благородному народу, спасшему Запад?»

Золотыми буквами вписаны в историю страны имена целой плеяды национальных героев и патриотов — от Хуняди и Ракоци до Лайоша Кошута и Шандора Петефи. Из столетия в столетие, от поколения к поколению передавалось и крепло в венгерском народе чувство национальной гордости и самосознания. Вместе с тем длительная и тяжелая борьба нации за независимость и самостоятельное существование, борьба, которую приходилось вести в одиночку, накладывала на это чувство определенный отпечаток настроенности, недоверия, национальной исключительности, чем умело пользовались власти имущие.

Такого рода настроения были на руку господствующим классам, которые свои интересы выдвигали за интересы нации. Стремясь укрепить свои позиции, подавить революционные демократические силы или осуществить эклектико-сионистские замыслы, они беззастенчиво играли на национальных чувствах и предрассудках. В годы хорватизма национализм и ревизионизм были возведены в ранг государственной политики. Фашистский диктатор Хорти раздувал в массах вражду к соседним народам.

Было и в то время, конечно, немало честных, мыслящих людей, которые поднимали голос протеста против разгула национализма, указывая, что он ведет к фашизму, к войне, к катастрофе. Эти люди группировались вокруг коммунистической партии — партии, которая наиболее последовательно отстаивала подлинные национальные интересы Венгрии и мужественно боролась за освобождение пролетарского интернационализма за свободу и счастье народа.

Когда фашизм был разгромлен и эта борьба увенчалась победой, одной из важных задач, которую поставили перед собой коммунисты, была задача ликвидации националистического наследия, воспитания народа в интернационалистском духе.

Наиболее плодотворным было последнее десятилетие. В эти годы Венгерская социалистическая рабочая партия взяла курс на создание социалистического единства нации, то есть сплочение народа на базе социализма, строительство которого провозглашено единственной, подлинно национальной политикой.

Социалистические преобразования в нашей стране по существу ликвидировали социальные и экономические основы национализма, — сказал в беседе со мной один из видных партийных работников. — Тем не менее националистическая идеология не исчезла, время от време-

ни она дает себя знать. Не надо забывать, что 60 процентов взрослого населения страны — люди, сформировавшиеся в годы хорватизма: «А предрассудки, особенно национальные, очень живучи. И борьбу с ними надо вести постоянно, в самых разнообразных формах...»

НЕКОТОРОЕ время назад в будапештском издательстве «Конкут» вышла «История возникновения и развития венгерского национализма». Эта книга — глубокое научное исследование, в котором на конкретном материале венгерской истории разбираются такие проблемы, как национальный вопрос, национализм, патриотизм. Сам факт появления такой книги — важное событие не только в плане научном, но и политическом, идеологическом. Проблемы, поднятые в книге, постоянно находятся в центре внимания венгерской общественности. О них много пишут и говорят. В прошлом году, например, с очень интересным докладом «Национальные интересы и интернационализм» выступил в Политической академии ВСРП член Политбюро, секретарь ЦК Золтан Коочиш. Он отметил, в частности, что венгерский народ является сейчас действительно хозяином своей страны и это создает основу для развития патриотизма демократического, который и раньше был присущ широким слоям трудящихся. В социалистический патриотизм, характерная черта которого состоит в том, что судьба нации, родины отождествляется им с судьбой социализма.

Проблемы социалистического патриотизма и интернационализма посвящен специальный раздел одного из важнейших документов ЦК ВСРП — директива по идеологическим вопросам, принятых в марте 1963 года. В нем говорится: «Коммунисты — патриоты, они любят свою родину, преданы своему народу, были и остаются передовыми борцами за национальную независимость. В них живет законная национальная гордость, но они никогда не смешивают патриотизм с национализмом».

По мнению венгерских товарищей, глубоко ошибаются те, кто видит в патриотизме главным образом одну сторону, обращенную в историю, в прошлое. В истинном подкреплении этой стороны таится опасность перерождения патриотического, национального начала в националистическое.

Я ПОБЫВАЛ в небольшом городке Сигетваре, который в далеком прошлом был одним из опорных пунктов сопротивления иноземным завоевателям. От тех времен осталась крепость, окруженная глубоким рвом. Здесь 400 лет назад сражались и героически погибли в бою полководцы и патриот Миклош Зрини. В день этой памятной годовщины тут состоялось торжество. Были возложены венки на место гибели отряда Зриня, а также к подножию памятника советским солдатам, лавшим в боях с фашистами и похороненным у стен Сигетварской крепости.

На торжественном митинге выступил глава Венгерского Революционного Рабоче-Крестьянского правительства Дьюла Каллаш. Это была яркая речь патриота и интернационалиста.

Мы отдаем дань благодарности и уважения своим национальным героям... — говорил товарищ Каллаш. — Нашему народу, марксизму, ленинизму, коммунизму, интернационализму, социализму, коммунистическому отрицанию национализма, пролетариату, его ценности. Более того, именно рабочий класс, народ, строящий социализм, являются достойными наследниками и продолжателями прогрессивных традиций истории... Однако положение в нашу эпоху коренным образом изменилось. Если раньше народы, борющиеся за свою национальную независимость и свободу, хотя они и стремились сплотиться, зачастую вели свою борьбу изолированно друг от друга, были предоставлены самим себе, то сегодня национальная независимость и общенациональный прогресс сосредоточены в огромном и прочном лагере мировой социалистической системы...

НЕКОТОРЫЕ дни я провел в Сегеде — пятном по величине городе Венгрии. Стоит он на берегу Тисы, километрах в десяти от границы с Югославией. На город падает хорошее шоссе через границу в югославскую Суботинцу и дальше в Нови-Сад, где четверть века назад произошли трагические события «холодных дней». Автобус из Сегеда на Суботинцу уходит каждый час, но свободных мест не бывает. С ползорошлого года существует договоренность о том, что жители 15-километровой зоны, идущей вдоль всей венгро-югославской границы, имеют право ездить из одного государства в другое без заграничного паспорта.

Отношения Сегеда с югославскими городами очень хорошие, по-настоящему дружеские. Между предприятиями и различными учреждениями существует постоянный контакт, личные встречи, беседы, обмен опытом. Незамысловато приезды в Сегед, здесь было подписано соглашение о сотрудничестве местного университета с Нови-Садским. В Суботине есть театр на венгерском языке. Два раза в неделю режиссеры Сегедского драматического театра наведывают своих коллег, помогают им в постановке спектаклей.

Редактор сегодешней газеты «Деммаляпрогсарг» — «Южная Венгрия» Золтан Лёкеш, привел много фактов, свидетельствующих о том, что былая настроенность и враждебность к соседям давно уступили здесь место доверию и дружбе.

Как известно, Сегед — город-побратим Одессы. Братство это, говорят сегодешние, — на вечные времена.

И все это в Сегеде, — добавил Лёкеш, — городе, в котором Хорти формировал отряды своей «национальной гвардии» для похода на Будапешт в 1919 году и который долгое время был одним из очагов махрового национализма и ревизионизма...

Тесная органическая связь социалистического патриотизма с пролетарским интернационализмом, по мнению венгерских товарищей, — один из главных факторов, который помогает успешно строить социализм и препятствует превращению национальных чувств в заскорузлый национализм. Венгрия собственным примером доказывает это. Она — член Варшавского договора и Советско-югославской взаимопомощи. Венгерские товарищи законно гордятся тем, что активно участвуют в международном социалистическом разделении труда, решительно отстаивают интернациональное единение — социалистических стран.

Вполне естественно, что «культурная революция» в Китае и связанная с ней события вызвали в Венгрии резкое осуждение. Венгерские товарищи считают, что с тех пор, как существует Советский Союз, враждебность к нему всегда была спутником национализма, поэтому отношение к Советскому Союзу — пробный камень критериев слова Йенноша Кадаара: «Антикоммунизм, коммунизм не было, нет и никогда не будет».

ПЕРЕД отъездом из Будапешта я еще раз проехал по улицам и площадям города. Мимо нас пролетали дома, витрины магазинов...

Мы остановились в кинотеатре, освещенном неоновым заревом. У кассы толпились очереди. Шесть фильм «Холодные дни», шел по-прежнему с аншлагом. БУДАПЕШТ — МОСКВА

НАВСТРЕЧУ КОНФЕРЕНЦИИ В БЕЙРУТЕ

У ПОЛКИ С ПЕРЕВОДАМИ

Книги писателей стран Азии и Африки
Вьетнам —
Турция — Мали —
Судан

СУДАНСКИЕ РАССКАЗЫ

СОВРЕМЕННАЯ суданская литература очень молода — она расцветает независимости африканской Республики Судан, провозглашенной в 1956 году. Сборник «Рассказы писателей Судана» впервые знакомит нас с творчеством семи молодых прогрессивных суданских прозаиков.

В этих небольших произведениях отражена жизнь народа, независимой борющейся с тем, что несет на себе ярмо колониального гнета, но еще не покончившего со многими его последствиями: нищетою, неграмотностью, социальным несправедливостью. В каждой повелее остро и горячо пульсирует боль молодого Судана. Этой болью пропитаны рассказы и сюжеты, и судьбы героев. Рассказы написаны просто и доходливо. Слово молодого писателя обращено к радостному человеку, к тем, кто несет на себе тяжесть жизни. Герои прогрессивных суданских писателей — простые люди: ученые, торговцы, рабочие, чистильщики сапог, грузчики, нищие старики. Большинство

Они еще очень молод, мальчик Гуссу Дивара. Но все его стихи совершенно. Но от них веет дыханием возрожденной африканской страны. Стихи Гуссу Дивара лиричны и музыкальны. Может быть, не всегда перевод (даже хорский) передает их оригинальный ритм. Но я читал эти стихи в первоизданном виде, и они дошли, что называется, до самого сердца. С нежной любовью пишет

Гуссу Дивара. «Черные звезды». Издательство «Детская литература», 1966.

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара есть строки, обращенные к Пушкину:

Пушкин! Вот я пришел Принять глоток и сердцем К насадам строк Изверженных тобою.

Путь проделал Гуссу Дивара в стенах московского Литературного института. Его стихи о Пушкине — не только результат академической учебы. Это выход вместе со сверстниками и современниками на просторы мировой поэзии. Это свидетельство сердечной связи с молодыми советскими поэтами разных национальностей, которые стали его друзьями и соратниками.

Свою книгу мальчик поэт заканчивает словами: «Если волжский пионер, сибирский комсомолец и московский школьник сочтут мои стихи достойным вниманием, я буду счастлив». Доброго творческого пути, Гуссу Дивара!

Александр ИСБАХ

ТАК ГОВОРИТ РОДНИК

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

Гуссу Дивара о своей родине — Африке, о Мали, о городе Бамако, о реке Нигер. С горечью — о прошлом страны, с радостью — о настоящем, с надеждой — о будущем. К интернациональному чувству братства всех народов он приходит от глубоких национальных истоков. Лафос книги — преобразование родного поэту края, победный гимн национально-освободительной борьбы и новые горизонты страны. Этот путь освобождения возмещен великим Лениным.

Ни на одном языке Стихи не звучат. Так говорят поэты. Пробивающийся между

Гуссу Дивара близок язык страстной поэтической публицистики. Вся образность его стихов окрашена африканским колоритом («Солнце мое — чернокожий») В книге стихов Гуссу Дивара

рассказов написано от первого лица, что усиливает достоверность тона, придает художественную убедительность описанным реальным случаям.

Правда, не все рассказы сборника отражают современное лицо суданской прозы, равновесия. Но даже на них возмущает нас страстным гуманизмом, искренности, утверждением высших принципов солидарности и борьбы против колониализма и социальной несправедливости. Мы рады знакомству с набирающей силы молодой суданской прозой.

Чингиз ГУСЕЙНОВ

«Рассказы писателей Судана». Перевод с арабского. Издательство «Дружественная литература», 1966.

ПЕСНИ ТУРЕЦКИХ АШЫКОВ

ФРАНЦИЯ ИДЕТ ВЛЕВО

Профессор Ник. МОЛЧАНОВ

Комментарии и сообщения по поводу результатов парламентских выборов во Франции, заподозрили западные наблюдатели, неизменно начинают слухами о «неожиданном», «суперинтересном», «сенсационном» исходе, опережая все предположения. Говорят, что смущены даже электронные машины, которые использовались для составления наиболее точных прогнозов.

Между тем итоги выборов оказались совершенно неожиданным образом определенными социальными и политическими процессами, происходящими в западноевропейских странах вообще. Премьерами были они лишь для тех, кто принимал участие за действительные и не хотел считаться с назревающей изменением в политической жизни самой политической, если можно так выразиться, страны Западной Европы.

«Франция снова стала сама собой», — пишет «Нью-Йорк таймс» в связи с выборами. За этой формулой скрывается признание того, что рухнул миф о появлении во Франции на почве «экономической» «новой капитализма» некоего «нового общества», где уже нет ожесточенной классовой борьбы, где яростные схватки политических партий уступили место гармоничному развитию «надутого» общества, члены которого все меньше интересуются политикой. Оказалось, все обстоит иначе, и если на прошлых выборах 1962 года в голосовании участвовало 70 процентов избирателей, то 5—12 марта — 80 процентов.

Но еще важнее то, как голосовали избиратели. В 1958 году за учреждение Пятой республики высказалось 80 процентов голосовавших. В 1967 году за объединение партий, ведущих к Пятой республике, высказалось лишь 37 процентов. Экономическая и социальная политика Пятой республики ока-

залась ее ахиллесовой пятой, самым уязвимым местом.

Объем промышленного производства и производительность труда в последние 9 лет в полтора раза, но уровень жизни почти не повысился. В то время как монополии дают лишь восемь процентов налоговых поступлений, грузятся планы в 68 процентов. В стране жестокастий жилищный кризис и растущая угроза безработицы.

Все это и привело к тому, что правящая партия ЮНР потеряла в парламенте 40 мандатов. Ей удалось с трудом устоять на ногах в значительной степени в результате прямой поддержки, которую ей оказал всем своим авторитетом генерал де Голль. Помогло ей и то, что под руководством де Голля победилась независимая вейландия политика, серьезно укрепившая престиж и влияние Франции на международной арене.

В этой связи чрезвычайно показательны провал так называемого «демократического центра» во главе с Леонардо, который претендовал на то, чтобы стать преемником генерала де Голля. Он отчаянно пытался приобрести репутацию «французского Кеннеди», не обладая для этого никакими данными, кроме широкой белозубой улыбки. Сейчас газеты печатают рисунки, на которых Леонардо изображен с той же улыбкой, но без многих зубов: его партия имеет теперь вместо 38 мандатов всего 27.

Прогноз избирателей объясняется просто. «Демократический центр» — партия, представляющая те круги крупного французского капитала, которые связаны с американскими монополиями. Она выступает против независимой внешней политики, за возвращение к прежнему, «атлантическому» курсу, за то, чтобы Франция послушно тапшала за Вашингтоном.

Пожалуй, самый важный итог выборов в том, что Франция определенно пошла влево. Западногерманская газета «Рейншпост» нехотя констатирует, что коммунисты — действительные победители на выборах.

Да, здесь уже не приходится сомневаться. В 1958 году компартия завоевала 10 мандатов, в 1962 — 41. Сейчас — 73! При этом следует учитывать, что такой результат достигнут в условиях несправедливой мажоритарной системы голосования. Если бы действовала пропорциональная система, в парламенте было бы 105 коммунистов. По сравнению с прошлыми выборами компартия получила на миллион голосов больше.

Достижение Французской компартии — закономерный результат ее неустанной, терпеливой, гибкой, непоколебимой борьбы за демократию, за мир, за социализм, за национальные интересы Франции. И особенно — результат борьбы за единство всех левых демократических сил.

Десять лет назад, когда коммунисты были незаконно удалены из правительства, начался длительный период пугающего раскола левых сил, который дорого обошелся французским трудящимся. 20 декабря прошлого года после трудных, но плодотворных переговоров было наконец заключено соглашение компартии и Федерации демократических и социалистических и радикалов) о единстве действий на выборах.

Соглашение было успешно реализовано. Сейчас французские газеты отмечают поразительную дисциплину избирателей. Во втором туре избиратели-коммунисты голосовали за кандидатов федерации, если те имели лучшие шансы, и наоборот, избиратели-радикалы и социалисты — за коммунистов.

Демократическая федерация в результате единства

действий также увеличила число своих депутатов. Теперь все левые партии имеют в парламенте мощный блок в 194 депутата.

Правая газета «Орор», отмечая «сильный сдвиг влево», пишет: «Объединенные левые силы набрали во втором туре больше голосов, чем правительственное большинство. Это одна из характерных черт состоявшихся выборов».

Примечательна реакция некоторых правых парижских газет. 13 марта первое издание газеты «Парижэн либер» вышло под огромным заголовком: «Пятая республика сохраняет большинство в Национальном собрании».

Во втором издании, появившемся через несколько часов, заголовок был набран значительно менее крупным шрифтом и гласил: «Пятая республика, возможно, потеряла большинство». Она его сохранила (244 мандата из общего количества 487), но, как замечает другая газета, это «рискованно незначительное большинство».

А орган партии ЮНР газета «Насьон» вообще не вышла утром 13 марта. Ее редакторы испугались, увидев, такой шок, что смогли выпустить номер лишь во второй половине дня.

Успешное единство действий французских левых оказалось возможным в первую очередь благодаря Коммунистической партии. Ее программа перехода к социализму в условиях многопартийности и соблюдения широкой демократии, утверждения на XVIII съезде Компартии в январе этого года, встретила положительное отношение социалистов и всех демократов. Коммунисты избрали единственно правильный путь борьбы за социализм, отвечающий современной обстановке и соответствующий стремлениям всех трудящихся Франции. И в этом смысле уроки выборов имеют значение не только для Франции.

Успех левых сил создает совершенно новую обстановку в Пятой республике. До сих пор в стране фактически не было реальной альтернативы нынешнему режиму. Теперь иное дело. Английская газета «Гардиан» справедливо отмечает: «Результаты французских выборов обещают новое возрождение парламентской демократии во Франции...»

Итак, небывало напряженная и ожесточенная избирательная кампания позади, и весенний сдвиг влево со стен обрывки бесчисленных предвыборных плакатов, за два напряженных воскресных дня — 5 и 12 марта — произошел заметный сдвиг. Это — сдвиг влево.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ СМЫВАЕТ СО СТЕН ПАРИЖА ОБРЫВКИ БЕСЧИСЛЕННЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПЛАКАТОВ, ЗА ДВА НАПРЯЖЕННЫХ ВОСКРЕСЕННЫХ ДНЯ — 5 И 12 МАРТА — ПРОИЗОШЕЛ ЗАМЕТНЫЙ СДВИГ. ЭТО — СДВИГ ВЛЕВО.

ПОРТРЕТЫ БЕЗ ГРИМА ГЕНРИ КАЙЗЕР ДЕЛАЕТ ДОЛЛАРЫ

Георгий ЦАГОЛОВ

НЕКТО, по наружности самолюбивый толстяк в астах, чье лицо уже достаточно помялось, и читателям большой прессы, и телезрителям, стоит и шуршит то ли от ослепительного галавского солнца, то ли от славы, выпавшей на его долю, отодвинутой в это время главу.

А перед ним репортёр, возмущенный, что «Эй-би-си» («Американский телевизионный канал») и «Колумбия» («Колумбия» — крупнейший частный банк в мире, старое гнездо Джинни Джинни, но Kissinger, директор банка, продолжает...

Старик до последних дней был добр к нам. Если бы не он, мы бы вряд ли обшарили стальные лоды, — задушевно произнес Kissinger.

А дело и впрямь было не из легких. В правительственных органах, регулирующих тогда стальную промышленность Америки, как сенаторы и депутаты, Kissinger тоже назывался милом. «Кайзер дин» — сейчас самый крупный автомобильный концерн в Латинской Америке. В Индии у него алюминиевый завод. В Австралии он заключил недавно (600-миллионный сделку — крупнейшую из всех, когда-либо зафиксированных на этом континенте. Он строит аэропорты для реактивных самолетов, государственные объекты в Южном Вьетнаме и на острове Гуам, откуда бомбардировщики «Б-52» летают бомбить ДРВ. В Венесуэле «Кайзер инжиниринг» возводит платину «Горн дэма». Ему принадлежат заводы в Западной Германии, Англии, Южной Африке, Аргентине, Пакистане и Таиланде. На Кубе... Да, в свое время он грабил и грабителей.

— Не Куде — Kissinger создал несколько мостов и шоссе в провинции Кампауэй, Техника не хватало. Работал в основном с помощью быков и тачек. Но труд был чертовски дешев...

Он с грустью вспоминает об этих, теперь уже прошедших временах и боится, очень боится, что «кубинская история» может повториться в других странах.

Правда, есть влиятельные друзья. Старина Джордж Вудз — директор «Фонда Кайзера», а в прошлом и директор «Кайзер стил» — ныне президент Международного банка реконструкции и развития. Этот банк под вывеской «международного» помогает большим и маленьким кайзерам опутывать сетью финансовой зависимости народы развивающихся стран и служит инструментом неоконсервативных устремлений американского империализма.

Да и главный дипломатический орган внешнеполитических дел США — Центральное разведывательное управление — на протяжении нескольких лет возглавлялся другом Кайзера и его земляком Дэном Маккуорком.

— Наконец, сын Генри Джона Кайзера — Эдгар — временно входит в три «президентские комиссии», в том числе и в ту, которая ведет размещение ракетных баз. Журнал «Тайм» однажды подтвердил, что Кайзер-магнат является «большим личным другом многих мировых лидеров» и основную часть времени проводит в «заграничных командировках», совершая в год не менее десяти витков вокруг света.

— Некоторые удивляются, — говорит уже Кайзер-старший, — что мы вкладываем много капиталов в такие неустойчивые районы, как Латинская Америка, Азия, Африка, Риск, конечно, много. Для него народы, уже освоившие или только познающие свободу, — враги куда более опасные, чем «стальные люди» Нью-Йорка. Новая жизнь занимает опеделяющее место на планете, а участь «свободного мира», в котором Кайзер разбогател и лавировал, напоминает кошмарную сценку «шатреневой кожи». И он подкапывает верхушку американских профсоюз, чем только может содействовать продолжению мировой войны во Вьетнаме, включается в организацию итерей и переводов в молодых государствах «третьего мира».

И, разумеется, не «вер в бога» и не «мобилизация духа» помогают Генри Джону Кайзеру оставаться одним из королей, вставших в современном капиталистическом обществе, в штыки морской пехоты, и выходя на форвард «глаза в глаза» доллар, доллар, доллар.

посетил Белый дом, при нем было рекомендательное письмо «Господи президент! Позвольте представить вам министра Генри Кайзера, который хотел бы проконсулировать с вами. Он всегда был другом и клиентом нашего банка. Буду благодарен за всякую оказанную ему любезность».

С уважением Джиннини.

Кстати, «Банк оф Америка» — сейчас самый крупный частный банк в мире, старое гнездо Джинни Джинни, но Kissinger, директор банка, продолжает...

Старик до последних дней был добр к нам. Если бы не он, мы бы вряд ли обшарили стальные лоды, — задушевно произнес Kissinger.

А дело и впрямь было не из легких. В правительственных органах, регулирующих тогда стальную промышленность Америки, как сенаторы и депутаты, Kissinger тоже назывался милом. «Кайзер дин» — сейчас самый крупный автомобильный концерн в Латинской Америке. В Индии у него алюминиевый завод. В Австралии он заключил недавно (600-миллионный сделку — крупнейшую из всех, когда-либо зафиксированных на этом континенте. Он строит аэропорты для реактивных самолетов, государственные объекты в Южном Вьетнаме и на острове Гуам, откуда бомбардировщики «Б-52» летают бомбить ДРВ. В Венесуэле «Кайзер инжиниринг» возводит платину «Горн дэма». Ему принадлежат заводы в Западной Германии, Англии, Южной Африке, Аргентине, Пакистане и Таиланде. На Кубе... Да, в свое время он грабил и грабителей.

— Не Куде — Kissinger создал несколько мостов и шоссе в провинции Кампауэй, Техника не хватало. Работал в основном с помощью быков и тачек. Но труд был чертовски дешев...

Он с грустью вспоминает об этих, теперь уже прошедших временах и боится, очень боится, что «кубинская история» может повториться в других странах.

Правда, есть влиятельные друзья. Старина Джордж Вудз — директор «Фонда Кайзера», а в прошлом и директор «Кайзер стил» — ныне президент Международного банка реконструкции и развития. Этот банк под вывеской «международного» помогает большим и маленьким кайзерам опутывать сетью финансовой зависимости народы развивающихся стран и служит инструментом неоконсервативных устремлений американского империализма.

Да и главный дипломатический орган внешнеполитических дел США — Центральное разведывательное управление — на протяжении нескольких лет возглавлялся другом Кайзера и его земляком Дэном Маккуорком.

— Наконец, сын Генри Джона Кайзера — Эдгар — временно входит в три «президентские комиссии», в том числе и в ту, которая ведет размещение ракетных баз. Журнал «Тайм» однажды подтвердил, что Кайзер-магнат является «большим личным другом многих мировых лидеров» и основную часть времени проводит в «заграничных командировках», совершая в год не менее десяти витков вокруг света.

— Некоторые удивляются, — говорит уже Кайзер-старший, — что мы вкладываем много капиталов в такие неустойчивые районы, как Латинская Америка, Азия, Африка, Риск, конечно, много. Для него народы, уже освоившие или только познающие свободу, — враги куда более опасные, чем «стальные люди» Нью-Йорка. Новая жизнь занимает опеделяющее место на планете, а участь «свободного мира», в котором Кайзер разбогател и лавировал, напоминает кошмарную сценку «шатреневой кожи». И он подкапывает верхушку американских профсоюз, чем только может содействовать продолжению мировой войны во Вьетнаме, включается в организацию итерей и переводов в молодых государствах «третьего мира».

И, разумеется, не «вер в бога» и не «мобилизация духа» помогают Генри Джону Кайзеру оставаться одним из королей, вставших в современном капиталистическом обществе, в штыки морской пехоты, и выходя на форвард «глаза в глаза» доллар, доллар, доллар.

«ГРЯЗНАЯ ВОЙНА» ВО ВЬЕТНАМЕ. 1967 ГОД.

— Американские солдаты во Вьетнаме совершенно великоплены... Они показывают себя просто блестяще... Председатель Комитета начальников штабов США генерал Эрл УИЛЕР в интервью американскому журналу «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт».

ной фразе в ущерб истине. Французы — великие люди. Ну зачем, скажете, нам хлопотать дьяволу? Все обстоит совсем не так драматично. Правильное было бы сказать, да мы встали у этой самой двери и попросили доказательства, что случившийся и нам путин не принесет с собой чуждых Европе и опасней для нее влияния с того берега Атлантики.

А в Лондоне редактор «Лабл» (и далеко не левый) газеты разразился по поводу же тому таким, не популяристическим, а популяристическим монологом:

— Вопрос сейчас заключается в том, сумеет ли наше правительство занять самостоятельную позицию и пойти на экономические оскобления от американцев. Будем ли мы сметь и решительности на этой шаг? Не думать, что это просто. Ведь как только предпринимает американская финансовая педария, нам придется девальвировать фунт стерлингов и, в противном случае, обеспечить себе альтернативную экономическую опору в Европе. Сейчас на континенте Англию модно объявлять «вторым Нью-Йорком». Конечно, пока фунт привязан к доллару, в этом есть некая доля истины. И я не осуждаю французскую за их слепые и пошлоривные в Общей рыночной политике. Нуи действительно ни к чему, но почему

никто не хочет взглянуть на наши попытки с другой стороны? Например, и наши атлантистические партнеры с «пошлой» и политический преориентации? Мне кажется, что в Западной Европе недостаточно серьезно относятся к словам Вильсона, знаменитому наставнику его лаварского сизита в Париж начет того, что Европа должна укрепить свою экономическую мощь с тем, чтобы в промышленных делах она смогла говорить на равных с «пошлой» и партнером с «пошлой» силой. Ведь это — максимум того, что публично может себе позволить Лондон при нынешних связях с Вашингтоном. Вот вы русские, говорите о необходимости укрепления доверия и взаимопонимания между европейцами. Почему же мы не можем доказать хотя бы несколько лаварских записок? Я говорю не о Москве, а о акордировании в Общей рыночной и не оборяете его в любом составе. У нас же с Общей рыночной пока что образовался порочный круг: чтобы попасть в него, от нас требуют доказательства независимости. Однако мы не можем их представить, пока не обречены на экономическую опору в Европе, хотя бы в лице того же Общего рынка, что же нам делать?!

Самым интересным и симптоматичным в этой тираде для меня было объяснение того, почему Англия

стремится в Общей рынок. Суждения же насчет сложных перипетий с Общим рынком лучше оставить специалистам.

Впрочем, новые тенденции гораздо заметнее сегодня в английской политической жизни а, впрочем, касающихся общеевропейской безопасности. Вот, пожалуй, наиболее типичные высказывания гласят:

«САН»: «Все больше и больше становится устаревшими военные организации двух союзов в Европе — НАТО и Варшавского палита. Пора уже искать работы над созданием основы для мирного будущего».

«ДЕЙЛИ МЕЙЛ»: «Страны НАТО и Варшавского палита все еще противостоят друг другу со взаимной враждебностью, хотя ядерная стратегия и улучшились отношения между Востоком и Западом, личными войнами, мучимыми в танках армиях. Англия может сыграть ключевую роль в том, чтобы помочь положить конец этому противостоянию».

Примечательно, что английская пресса не ограничивается теперь одной лишь констатацией фактов. Она уже выдвигает довольно

конкретные предложения и требования, обращенные к правительству. Большинство из крупнейших газет, за исключением, пожалуй, «Дейли телеграф», «Обсервер» и «Гардиан» (эта тройка страдает «комплексом безынициативности»), накануне и во время визита А. Н. Косыгина в той или иной форме предлагали, чтобы Англия:

— согласилась на участие в общеевропейском союжении для обсуждения вопроса обеспечения безопасности в Европе;

— признала границы по Одеру — Нейсе (позднее на такую возможность, как известно, даже наметил министр иностранных дел Англии Джордж Браун);

— согласилась на ликвидацию военных организаций НАТО и Варшавского договора.

Во время многонациональной журналистской вахты у резиденции английского премьер-министра на Даунинг-Стрит, 10 в ожидании конца очередной англо-советской встречи западногерманский

обозреватель не без снисхождения поинтересовался у местного коллеги, почему, собственно, английские газеты высказывают все эти требования и предложения только в адрес английской стороны на переговорах.

— Потому, что русские и их союзники все это уже предлагали сами, собирались прошлым летом в Бухаресте. Но если выдумали, хотите, — ухмыльнулся англичанин. — Я могу сегодня же на первой полосе опубликовать текст моего и от вашего правительства. Только я не думаю, что оно будет от этого в восторге...

Я не силен черзмерно преувеличивать влияние подобных здоровых настроений на правящие круги страны сегодня. Главное в том, что они появились и, судя по всему, набирают силу. Процесс эрозии «атлантического сообщества» продолжается.

Есть, конечно, силы, которые активно противопоставляют этим новым веяниям в Англии. Думается, однако, что будущее принадлежит им.

ЛОНДОН — МОСКВА

А. АНДРЕЕВ

«ШКОЛА ПИСЬМА» ИЛИ «ШКОЛА

3. «СПИНОЙ К ИСТОРИИ»

Соллерс считает «новый роман» 50-х годов завершением... Коллерс считает «новый роман» 50-х годов завершением...

школ в XX веке пыталось выжить «за пределы социальной обусловленности»... Коллерс считает «новый роман» 50-х годов завершением...

решился переворот, несомненно скандальный... Коллерс считает «новый роман» 50-х годов завершением...

новое экзистенциализмом, для которого общественная жизнь — это «неподлинное существование»... Коллерс считает «новый роман» 50-х годов завершением...

ной? Кто мешает им «добывать язык»? Не приобретает ли «абсолютное бунтарство» абсолютный смысл только потому, что оно избегает историко-исторических систем и выросла еще одна литературная школа — «школа письма»... Коллерс считает «новый роман» 50-х годов завершением...

Свобода — это окаянная старка с противниками, которые куда более серьезны и опасны, чем те, кто мнитесь группами... Коллерс считает «новый роман» 50-х годов завершением...

том его направлении, которое пытается превратить язык в замкнутую систему... Коллерс считает «новый роман» 50-х годов завершением...

значительных произведений. Мы поставлены перед коварной картиной: могучие усилия и «новые», и «еще более новые» романы... Коллерс считает «новый роман» 50-х годов завершением...

Окончание. Начало в «Литературной газете», № 11.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Печатаемые здесь стихи — из моей новой тетради «Уочи-токи». Написаны они в последние путевые месяцы — тут и Новгород, и Флоренция, и Львов, и ФРГ... Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

АНГЕЛЫ ГРЯЗИ

ИХ называют ангелами грязи. Ребята из Милана, Шотландии, ФРГ в комбинезонах и резиновых сапогах очищают Флоренцию... Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Да, но мы в палатке Векко. Мар Пьеро Барджелини. Он фонтанирует деловой энергией... Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

сунувшихся из окон зевак, как проплыть на Волонью». Барджелини серьезно... Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Липисического поп-арта, когда в потоке несутся ступеньки, двери, зубные щетки, радиаторы... Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ДРЕВНИЕ СТРОКИ

В воротничке я — как рассыпанный В кругу кривляк. Но по ночам я — пес России... Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ЗАБАСТОВКА СТРИПТИЗА

Стриптиз бастует! Стриптиз бастует. Над мостовыми канкан лютует. Грядут бастующие — в тупухах, джинсах, «Черт в ступе!»... Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

БУХАРЕСТ

Правление Союза писателей Румынии удостоило литературной премии за 1966 год роман Лаурентиу Фульги «Александра и ад», пьесу Раду Бобуряну «Деревня без любви»... Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

КТО, ГДЕ, КОГДА

Advertisement for Sofia featuring a portrait of a woman and text: «Советские люди» — такая книга предвословила своей новой книге болгарский писатель и журналист Славо Чавес... Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МОЛЧАНИЯ?»

мир крайне абстрактный, стерилизованный, геометризованный. Мы словно попадаем в обстановку естественнонаучного опыта, в мир проборок и колб, из уровня социального бытия переходим на уровень органической материи и ее изначальной реакции. Фиксируется как бы естественное «вытекание» слов, которые сами по себе — подобие реальности, форма бытия.

«Драма» — это даже не привычный модернистский роман в романе, это питательная среда, в которой (в лучшем случае) ожидается возникновение языка, только — лишь языка. Не слишком ли дорога цена, которую платят за попытку покинуть «пределы социальной обусловленности» и вернуть человека в «текст»?

Можно согласиться с недавно высказанным мнением, что «поиски «Тель кель» заслуживают по крайней мере внимания». Действительно, труднейшие и пытливые, они честно ищут и выжили на себя трагедии, обратив литературу в подобие научного высказывания. Но труднее согласиться с тем, что критическое отношение и поиск «Тель кель» «доказательство тупости». Занятность, пробирающаяся в таких несдержанных оценках, лишней раз подтверждает, что наивно предполагать возможность созерцательного отношения ко всем цветам искусства. Искусство слишком общественно активно — хотя тот художник или нет. Оно слишком, если воспользоваться определением Л. Н. Толстого, «заразительно», чтобы позволить кому-

либо остаться индифферентным.

Трудно говорить, чего добьется группа «Тель кель» на пути создания нового типа литературного творчества, которое перерастает в некую смежную с наукой деятельность. Что же касается собственно литературы, того, что именуется «литературой художественной», то здесь мы имеем право на более определенные выводы: на наших глазах и под пером «новых романистов», и в особенности под пером «еще более новых романистов», искусство как бы уходит в те области, которые раньше были для его обогащения, (прежде всего в различные научные концепции и системы), ускользает, перестает быть самим собой. Мы ждем обновления, а видим исчезновение.

И во всех случаях утрата художественности находится в прямой связи со степенью отделения произведения от его социально-человеческой основы, со степенью превращения человека и общества в «знак». Иными словами — со степенью выполнения главной задачи «совсем новых романистов». Исходя из бесспорного положения о том, что искусство не аналогично жизни, подвергая порицанию принцип «похожести» искусства на жизнь, они сосредоточиваются исключительно на проблемах искусства («романы нынче размышляют о себе»). В результате они выделяют в качестве таковых только проблемы формы, построения романа. Ответственно искусство приобретает облик искусного ремесленничества.

Дело, конечно, не в том, что искусство это «ужасно» трудное. Нынешнее искусство вообще тяготеет к условности, хотя вопрос этот не так прост, как казалось некоторым современным французским эстетикам-марксистам, вообще связавшим проблему доступности с повестки дня и культивирующим «трудное искусство».

Известно, что значительная часть читателей вообще тяготеет к «легкому» чтению. Нужно воспитывать вкус, прививать интерес к подлинному искусству, которое часто бывает трудным и сложным. Но канонизация искусства принципиально «теминого» не содействует преодолению разрыва между настоящим искусством и широким кругом читателей. Она, наоборот, грозит превратить разрыв в пропасть, на одной стороне которой будут писатели, а на другой — читатели.

В конечном счете, такая позиция помогает искусству превратиться или в форму самовыражения, представляющую минимальный интерес для всех прочих, кроме самовыражающегося «я», или же в чех по выработке форм искусства — это есть в чеху, способное в лучшем случае заинтересовать опять-таки только самих писателей.

Говорят, что нет и не было декадаса, однажды придуманного критиками. Но вот на наших глазах появляется еще один, «совсем новый роман», и почти все, о чем он может напомнить, — это неизбежность смерти, почти все, что он может предложить, — это желание, даже призываемое молчание...

РЕПОРТАЖ ЛГ

Время от времени в «Известиях» на последней полосе в самом нижнем углу появляется скромное, набранное петитом объявление: «Иниорколлегия по делу о наследстве имьярек, проживавшего в Англии (или Франции, Чили, Греции, Австралии), разыскивает его наследников...»

Первому такому объявлению исполнилось недавно тридцать лет...

Штат Калифорния против Ларкиных

Под приговором Нюрнбергского трибунала, осудившего главных немецких военных преступников, среди подписей восьми судей стояла и подпись Александра Волчкова.

С тех пор минуло два десятилетия. Судья Волчкова, как почитательно титуловал Александр Федорович во всем мире, давным-давно сменил суровый мундир военного юриста на уважаемый штатский костюм. Уже восьмой год возглавляет он Иниорколлегию — специальную объединенную московских адвокатов. Сухой и четкий юридический лексикон формулирует компетентно это объединение так: защита имущественных интересов советских граждан за границей, а иностранцев — в СССР. И всякая доля дел, которые ведут члены Иниорколлегии, — дела о наследстве.

Десятки конвертов с разноцветными марками приходят по известному на всех континентах (вероятно, кроме Антарктиды) адресу: Тверской бульвар, 13. Москва, СССР.

Вот так однажды в майский день 1960 года и лег на стол адвоката Ориона Кириллова конверт с обратным адресом: Волф, Поппер, Росс, Волф и Джонс. 635 Мэдисон авеню. Нью-Йорк, 22, Н. И.

Письмо из Нью-Йорка

Это письмо известной нью-йоркской адвокатской фирмы, американского корреспондента Иниорколлегии, стало первым документом в папке, на которой педантическая рука юриста проставила номер очередного дела: Ам 7 222.

В письме говорилось: «Дело Джона (Ивана Ф.) Ларкина Джентльмена, наследователя умер в августе 1960 года. Наследство предположительно brutto 40 тысяч долларов. Единственная наследница по судебным записям сестра Мария Ф. Малхонина, деревня Корнино Горьковской области, СССР.

Присим расследовать и выслать свидетельства о рождении наследователя, его братьев и сестер, свидетельства о браке Марии Малхонин, заявление о фамильном древе, нотариальное свидетельство и обычную доверенность.

Весьма прелестный Вам Дэвид Слоэн». Вроде бы все ясно. Живет в глубине России, в поволжской деревеньке обыкновенная и, вдалеке от страны Америке, нежданно-негаданно на нее единственную свалилось сорокатысячное наследство.

Как быть? Очевидно, сообщить это известие Марии Малхонин, и сообщить поделителем, поскольку вещь-то будет не только о больших деньгах, но и о кончине брата. Сообщить и, предложив свои услуги для оформления законного наследства, попросить побыстрее — в собственных интересах — оформить необходимые документы. Потом переправить бумаги фирме «Волф, Поппер, Росс, Волф и Джонс», с которой Иниорколлегия связана давними и взаимовыгодными узами. Фирма быстро оформит ввод в права наследования через соответствующий суд — и, будьте добры, гражданка Малхонина, получайте чек...

Большие хлопоты

Но, увы, в жизни все оказалось не так идиллично.

Довольно быстро удалось выяснить, что мистер Слоэн нечисто транскрибировал русскую фамилию. На самом деле сестра покойного Джона Ларкина звалась Марией Федоровной Молчановой. Было еще одно обстоятельство, которое предвещало большие хлопоты. Мария Молчанова оказалась далеко не единственной наследницей Ивана Федоровича (Джона) Ларкина.

Когда двадцатидвухлетний плотник Ваня Ларкин в 1903 году уехал за границу, где ему, судя по тысячам эмигрантов, чудом удалось «выбиться в люди», в Корпие у него остались большая родня — отец с матерью, три старшие сестры и младший братишка. За полвека сошли в могилу родители, две сестры и брат. Но здравствуют многочисленные племянники и племянницы. Надо было их разыскать. По закону штата Калифорния все они — тоже законные наследники своего американского дяди.

Спустя некоторое время на Тверском бульваре составили полный список наследников. Кроме старушки Молчановой, в нем оказались еще десять человек. Где только их не обнаружили! В районном центре Шатки и в близлежащем Коканде и в подмосковном поселке Ленинском, в заполярном верховье на Кольском полуострове и в дальнем-дальнем Комсомольске-на-Амуре. Какой развращенный каледоскоп профессий! А если говорить об убежденных, то среди двоюродных братьев и сестер была, с одной стороны, коммунистка Мария Казакова, а с другой, — главный священник города Арзамаса отец Кузьма Королев... Между прочим, Мария Григорьевна Казакова даже засомневалась, уместно ли ей получить американское наследство, спрашивала совета у товарищей из Иниорколлегии. Даже писала в Министерство иностранных дел. По поводу ей отвечали: конечно, уместно, почему же нет?

Словом, на все канитель со сбором документов ушел, ни много ни мало, целый год. Только 19 сентября 1961 года последние бумаги улетели из Москвы в Нью-Йорк. Казаков бы, теперь можно спокойно ждать денег. Так и полагали наследники Джона Ларкина. Однако их поверили — члены Иниорколлегии и адвокаты Эдвард Моск и Вал Литтону, лос-анджелесские представители фирмы «Волф, Поппер, Росс, Волф и Джонс» хорошо знали, что главная полоса препятствий — впереди.

суммы, причитающиеся иностранцам, переводятся из СССР за границу беспрепятственно...»

Профессор Берман показал, что он не знает ни одного дела, которое бросило бы тень на утверждение, что граждане США пользуются полным равенством в наследственных правах в Советском Союзе и что он знает много случаев, когда граждане США получали значительные доли из советских наследств.

— Можете ли вы назвать суду таких лиц? — обратился судья к адвокату Моску и Литтону.

— Конечно, ваша честь, — отвечали адвокаты и предъявили суду пространный список. В нем значились имена Карин Пиллер и Александра Гуго Гранта, Э. Пулос, Х. Селге, Э. Л. К. Митт, Омельяна Радша... Ольга Кондратова получила после умершего в СССР брата 7 740 рублей, переведенных в 8 600 долларов. Алена Варнке, которой ее мать, скончавшаяся в Калуге, оставила около 4 000 рублей, и Серг Новин, также получивший наследство в Советском Союзе, лично выступили в суде, подтвердив то, о чем говорили эксперты и адвокаты.

Последнее заседание суда. В последний раз судебный пристав просит всех встать и произнести обязательную формулу о взезде-полном флаге, перед лицом которого действует суд.

Судья выносит решение: взаимность с Советским Союзом существует по движимому имуществу и не существует по недвижимостям.

Хотя вердикт похвальный, Литтон и Эдвард Моск довольны — это уже успех! «Прецедент Гогобашвили» парализован!

Мать всех добродетелей и отец Кузьма

Вскоре в апелляционный суд штата Калифорния поступило два протеста. Один — от адвокатов. Другой — от генерального атторнея.

Штат Калифорния утверждал, что суд ошибся, постановив передать движимость Ларкина русским наследникам.

Русские наследники утверждали, что суд ошибся, передав недвижимость штату.

Судья, как часто случается, с центристами всякого рода, подвергает «критике слева» и «критике справа».

И опять со скрипом затрещала шестерня машины правосудия. В законах штата Калифорния не предусмотрены определенные сроки апелляционного рассмотрения дела. Оно могло быть отложено до греческих... экая ми! — до американских календ.

Законные юристы стойко и привычно переносили тяготы ожидания. Но Ларкины, которые впервые имели дело с американскими судьями, оказались куда менее терпеливыми. Они настойчиво запрашивали адвокатов Иниорколлегии: может, подать жалобу в МПД товарищу Грымко? Или в наше посольство в Вашингтоне? Пусть накажут на судей! Ведь безобразнее же волонка — дело-то идет уже пятый год!

И адвокаты снова и снова объясняли своим клиентам: ничего не поделаешь, надо ждать. В каждом монастыре свой устав...

И все-таки бабушка Кузьма Королев, хотя ему истинно насчет монастырского устава вроде бы положено знать получше прочих, не выел довода, отбил жалобу в... Верховный совет СССР. Увы, в данном случае даже высший орган Советской власти ничего поделать не мог.

Наконец, апелляционный суд собрался. Судья Фурт, Вуд и Лилли рассмотрели дело Джона Ларкина. И стали на сторону генерального атторнея.

Сдвинутая недвижимость

Оставалась последняя возможность: адвокаты передали дело в Верховный суд штата Калифорния.

Прошло еще полтора года. Восьмого августа 1966 года Верховный суд штата рассмотрел дело Джона Ф. Ларкина. Главным судьей Тройном, судьи Петерс, Пин, Бурке, Шауэр, докладчик судья Тобриер были корректны и объективны. Они с уважением привели и сведения о движении активов — профессором Брауэре, Бермана, Хазарда, судьи Волчкова. Они учли, что даже покойный доктор Владимир Говский из Библиотечки Института, которого никак не заподозрил в любви к СССР, писал, что там, как правило, признается, что иностранные граждане пользуются правом наследования в Советском Союзе». Судьи убедились, что американцы получили в СССР в качестве наследства не только движимое имущество и деньги, но и дома.

И Верховный суд штата Калифорния вынес следующий вердикт:

«Какова бы ни была наша реакция на методы Советского Союза или на его политику, мы должны сдержанно ограничиваться юридическими вопросами, которые поднимают наши статуты, и предоставить решение вопросов внешней политики федеральному правительству. По-зволить таким соображениям повлиять на наше решение означало бы поставить под угрозу конституционность статута и незаконно расширить компетенцию данного суда.

Суд решает: подтвердить решение первой инстанции в отношении движимости и отменить ее решение о недвижимости».

Что ж, есть трезвые судьи и в Соединенных Штатах.

Хэппи энд

К тому времени, когда этот очерк появился в печати, Ларкины, наверное, уже получили свои деньги. Получат, как и многие другие советские граждане, оказавшиеся наследниками своих зарубежных родственников. Как, скажем, Феделия Клышко, Как Грегор Мкртчян. Как одна москвичка (она просила не называть ее фамилии), которой досталось состояние сестры-балерины, вышедшей замуж за индийского магараджу и умершей в Индии. И дело № Ам 7 222 Орион Петрович Кириллов сдает, как положено, в архив.

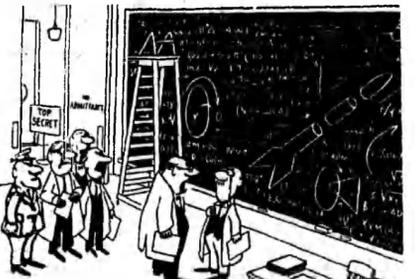
РАСПЕЧАТАННЫЙ КОНВЕРТ

КОМУ: Всем, кто хочет быть в курсе научных дискуссий, происходящих у черной доски.

ЧТО: Рисунки и эпиграммы из цикла «Черная доска», опубликованные в американском журнале «Сайенс дайджест».

АДРЕС ОТПРАВИТЕЛЯ: Москва, «Литературная газета».

УЧЕНЫЕ СПОРЯТ

— Ну перестаньте же, на самом деле, Ну, почему вы спорите опять? Сегодня вторник, и не парадный, Сегодня — ваша очередь стираты!

ТЕОРИЯ ПОЛЯ

— Вы видите из этого расчета, Что Джим сыграл неверно головой, И мяч от Джона мог попасть в ворота По сигнальнидрической иривой.

ОШИБКА

— Мне кажется, мы правы не совсем, Ошибка была в том, друзья, тантел, Что трижды семь, увы, не двадцать семь!

ВОЛНЬЕ ПЕРЕВОД Н. РАЗГОВОРА

— Нет ли у кого-нибудь табличка?

КТО, ГДЕ, КОГДА

БЕРЛИН

Вышел первый том «Словаря языка Павлины». Павлины книги на прилавках магазинов сойдено с юбилейной датой — 22 марта исполняется 135 лет со дня смерти великого немецкого поэта и мыслителя.

Будущие лет ушла на подготовку работу, составление огромной картотеки, содержащей около 3 миллионов карточек, которые обрабатывались с помощью счетно-механических машин. Усилием коллектива ученых-лингвистов ГДР и Западной Германии увенчался успехом.

Всего намечено издать восьмидесять томов «Словаря». Последний том выйдет в 2000 году.

РИМ

«ЧЕЛОВЕК 67» — ЭТОМУ РОМАНУ ПРЕДСТОИТ ОЗНАМЕНОВАТЬ В НЫНЕШНЕМ ГОДУ ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕЗАРЕ ДЗАВАТТИНИ В ЛИТЕРАТУРУ.

Напомним, что, достигнув больших высот в таких подлинно гуманистических произведениях, как «Бедняки все сумасшедшие» и «Поговорим-на обо мне», Дзаваттини уже много лет занимался почти исключительно кино. Его перу принадлежат сценарии выдающихся кинопроизведений итальянского неorealizma («Похищение велосипедов», «Улица Малапати», «Рим в 11 часов»). Одновременно с «Человеком 67» выйдет из печати его «Иниодневник» (более 500 страниц), включающий статьи и заметки о мировом кинематографе — они охватывают период с 1940 года до последних дней, и «Письмо с Кубы женщины, которая мне изменила», небольшой роман, написанный в форме лирического дневника.

БЕРЕНИЧЕ, италийская писательница

ЛИМА

Два молодых литератора из Перу требуют, чтобы общественность зафиксировала их международный рекорд в области литературного творчества.

Перуанские «литературные спринтеры» закончили недавно роман, который написали за 34 часа 35 минут. Случай поистине беспрецедентный в истории литературы! Роман этот, насчитывающий 73 тысячи слов, носит подзаголовок и такое название: «Дьявольская баллада». Прочитавший его американский писатель поставил 20 лет назад два миллиона американцев, написавших свое произведение за 59 часов 57 минут.

Первичное сообщени, что они оба спали всего по три часа и дважды терли сонливость.

Результаты, стало быть, ясны. Но совсем ясно другое: зачем понадобился этот рекорд и при чем тут, да простят нам этот беззастенчивый вопрос... ЛИТЕРАТУРА?

